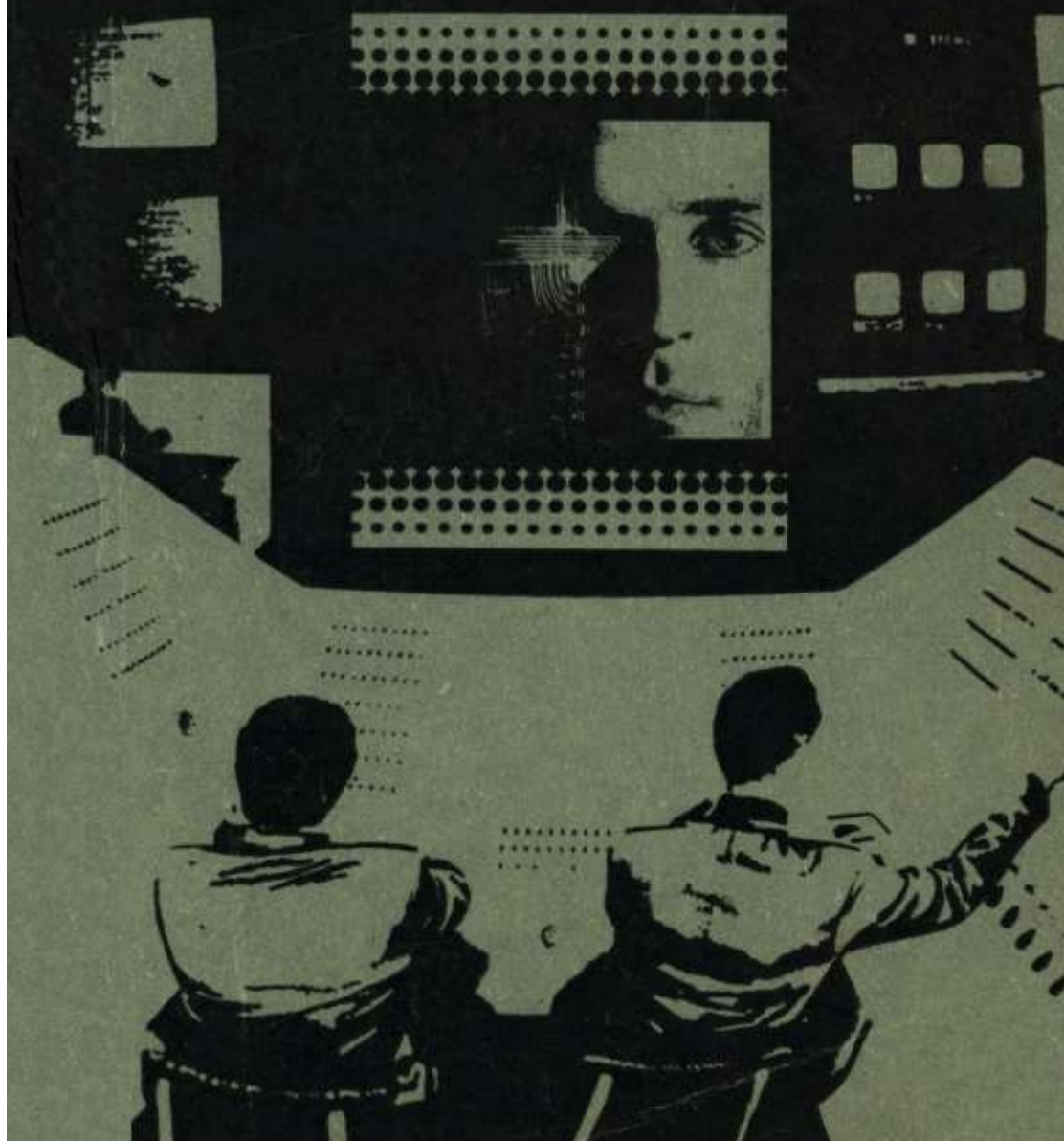

В. Я. Колдин, Н. С. Полевой

Информационные процессы и структуры в криминалистике

В.Я.Колдин, Н.С.Полевой

**Информационные
процессы
и структуры
в криминалистике**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1985

Колдин В. Я., Полевой Н. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985, с. 134.

Монография посвящена вопросам теории и методологии криминалистики, в частности, ее предмету и структуре, которые исследуются в аспекте информационных процессов, систем и структур, характерных для деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Р е ц е н з е н т ы :

кандидат юридических наук *Ю. Ф. Лубшев*;

кандидат юридических наук *И. Д. Самыгин*

предисловие

Исследование вопросов теории и методологии криминалистики - одна из важнейших задач советских криминалистов. И это не случайно, ибо от того, как решаются эти вопросы, во многом зависят эффективность и научная обоснованность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, деятельности, которую криминалистика как наука призвана обслуживать своими средствами и методами.

Известно, что средства и методы этой науки формируются и развиваются под весьма существенным воздействием средств и методов познания, разрабатываемых в других науках, и прежде всего в естественных и технических. Особую значимость на современном этапе развития криминалистики имеет ее взаимодействие с такими науками, как философия, логика, математика и кибернетика, так как использование данных именно этих наук позволяет с новых позиций подойти к решению многих вопросов теории и практики криминалистики, в частности ее предмета и структуры, ее современных средств и методов.

В настоящей работе авторы пытаются исследовать названные и некоторые другие вопросы с позиций теории информации и кибернетики, сочетая названный подход с общей теорией и методологией доказывания по уголовным делам.

В первом разделе - «Анализ информационно-познавательной структуры расследования преступлений» - рассматриваются предмет криминалистики, процесс расследования, роль и место информации в расследовании, факты в процессе доказывания, криминалистические информационные системы.

Структурный анализ информационно-познавательного процесса используется как метод выделения фактических данных, имеющих различное информационное и доказательственное значение. На этой основе осуществляется новый подход к определению ряда фундаментальных понятий теории судебных доказательств, формируются понятия криминалистической информации, информационного потока, системы и прослеживаются их функции.

Второй раздел, являясь логическим продолжением первого, посвящен ана-

лизу науковедческих вопросов криминалистики в свете ее математизации и кибернетизации.

Автор исследует общенаучные предпосылки и методологическое значение использования в криминалистике данных математики и кибернетики, в частности, обосновывается положение о том, что вопросы, относящиеся к проблеме математизации и кибернетизации криминалистики, ныне образуют ее специальный раздел, который все более обретает статус ее частной теории, получившей наименование «криминалистическая кибернетика».

С учетом этого рассматриваются предмет и задачи этой теории, ее структура и место в общей структуре криминалистики, история ее формирования и перспективы развития.

Авторы понимают, что не все их позиции и выдвинутые положения бесспорны. Поэтому они учтут критические замечания и разумные предложения, направленные на дальнейшее совершенствование и развитие идей, содержащихся в этой работе.

АНАЛИЗ
ИНФОРМАЦИОННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Информационно-познавательная
структура расследования преступлений
как предмет криминалистики

Деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений весьма многогранна. В ее составе могут быть выделены материально-правовой, процессуальный, организационный, технический, информационный, познавательный, воспитательный, морально-этический, профилактический и другие аспекты. Практическая необходимость научной разработки указанных аспектов деятельности государственных органов вызвала к жизни ряд дисциплин уголовно-правового цикла: уголовное право, уголовный процесс, теорию судебных доказательств, криминалистику, оперативно-розыскную деятельность, правовую кибернетику, судебную этику, а также ряд обслуживающих судебно-следственную практику естественно-научных дисциплин: судебную медицину, судебную психиатрию, судебную психологию, судебную бухгалтерию и др.

Для того чтобы правильно определить предмет криминалистики, надо в составе деятельности по раскрытию и расследованию преступлений вычленить тот ее аспект, те ее элементы, изучение которых может быть обеспечено методом криминалистики и не является предметом исследования других дисциплин. Анализ исторических тенденций развития криминалистики и современного ее состояния дает основание считать таким аспектом информационно-познавательную структуру деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Элементами указанной структуры являются:

- обнаружение источников информации о расследуемом событии;
- извлечение информации о расследуемом событии из источников;
- формирование частных информационных систем и установление отдельных обстоятельств расследуемого события;
- формирование общей информационной системы и установление фактической структуры расследуемого события.

Динамическая взаимосвязь указанных элементов деятельности обуслови-

вает целостность системы криминалистики и специфические черты ее взаимодействия с другими дисциплинами уголовно-правового цикла.

Методологической основой исследования любых информационно-познавательных структур является ленинская теория отражения. В полной мере это относится к раскрытию и расследованию преступлений, на что правильно указывалось в криминалистической литературе¹. Специфика криминалистических информационно-отражательных структур состоит в том, что в качестве отражаемого элемента выступает механизм расследуемого события, способ совершения преступления в широком смысле, а в качестве отображающего сознание лица, осуществляющего раскрытие и расследование преступления. В соответствии с этим общая структура метода практической криминалистики выглядит в следующем виде²:

Расследуемое событие отображается в следах, содержащих информацию о совершенном преступлении (объективный процесс отражения). Способы обнаружения и использования указанной информации составляют методы расследования (субъективный процесс отражения). Формы субъективного отражения в рассматриваемой структуре обусловлены формами отражения объективного³. Так, если источником информации являются следы взлома, используются моделирование, профилирование и другие методы исследования взаимодействия вещей. Если же источником информации является очевидец преступления, применяются различные тактические приемы допроса. Направление поиска источников информации, способы их дешифровки, методы анализа полученных фактических данных обусловлены механизмом расследуемого события, способом совершения преступления. Следовательно, основной путь расследования преступления идет

¹ См.: Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.

² Сплошной линией показаны связь отражения и направление передачи сигнала информации, пунктиром - логическое следование.

³ Единственным критерием разграничения объективного и субъективного отражения в указанном смысле является его отношение к сознанию исследователя-криминалиста. Их не следует смешивать с материальным и идеальным отражением. Так, очевидец преступления отражает его идеально и переживает субъективно, но эти отражения и переживания являются объектом криминалистического исследования, изучаются как объективные процессы.

от предполагаемых способов его совершения к методам расследования. Поскольку в процессе расследования преступления способ его совершения может быть представлен только в виде общей версии (информационной модели), из которой, как из большой посылки силлогизма, выводятся возможные в данном случае источники информации, этот путь по своей логической природе является дедуктивным⁴.

Применение разработанных криминалистикой алгоритмов действий следователя и эксперта, так называемых частных методик, отпавляющихся от типовых способов совершения преступлений и соответствующих следственных и экспертных ситуаций, представляет реализацию дедуктивного метода расследования. Эффективное использование этого пути расследования требует широкой теоретической подготовки криминалиста, вооружения его современными криминалистическими знаниями. В неразрывной связи с дедукцией выступает индуктивный путь расследования, основанный на собирании и накоплении фактических данных о расследуемом событии. В основе индукции лежит исследование причинных связей, отпавляющееся от последствий и восходящее к причине явлений. Наблюдение, фиксация, накопление и объяснение фактов, сравнение, опыт, эксперимент, сочетаемые с догадкой, эвристической оценкой признаков - таков путь индуктивного криминалистического исследования. Этот путь базируется на развитом индивидуальном и коллективном опыте расследования. В целом расследование преступления осуществляется индуктивно-дедуктивным методом, причем начальные этапы характеризуются преобладанием индукции, собиранием информации, накоплением признаков расследуемого события, а заключительные - дедукции, т. е. оценки собранного фактического материала с позиций предмета доказывания и состава преступления. В каждый конкретный момент ведущегося расследования указанные методы при относительном преобладании одного из них сочетаются.

Из сказанного видно, что специфика предмета и метода криминалистики состоит в исследовании информационно-познавательной структуры раскрытия и расследования преступлений, основанном на изучении способов совершения преступлений и обобщении опыта следственной, оперативно-розыскной и экспертной деятельности⁵.

---

⁴ Говоря об индуктивном и дедуктивном направлении исследования или преобладании одного из этих методов на отдельных стадиях расследования, не следует упускать из вида их неразрывную диалектическую связь.

⁵ Обобщение опыта следственной работы и изучение способов совершения преступлений были рассмотрены как специфические черты метода криминалистики. (Ш а в е р Б. М. Предмет и метод советской криминалистики. - Социалистическая законность, 1938, № 6, с. 77).

В структуру метода криминалистики нередко включается применение данных естественных и технических наук. Более того, отдельные ученые видят в использовании данных естественных и технических наук сущность криминалистики, специфику ее метода⁶. Данная концепция в истории советской криминалистики уже была подвергнута справедливой критике. Рассматривая взгляды И. Н. Якимова, полагавшего, что сущность криминалистики образуют «сообщения правовых, медицинских, естественных, научных и технических сведений, необходимых для всестороннего и успешного расследования преступлений», Б. М. Шавер правильно отметил, что «наука», «сообщающая» сведения из других наук, - не есть наука»⁷. Любая энциклопедия сообщает нам сведения из других наук, однако это не придает ей качества самостоятельной науки. «Криминалистика, - как правильно подчеркивает проф. А. И. Винберг, - это не конгломерат разрозненных данных из области биологии, химии, физики, механики, физиологии, психологии и т. п.»⁸, а качественно новое знание. Самостоятельность, специфичность науки определяются не методами исследования, составляющими общее достояние многих наук, а интерпретацией, объяснением тех явлений, которые данная наука изучает. Таким образом, использование данных естественных и технических наук не только не выражает сущности науки криминалистики (как, впрочем, и любой другой науки), но не может считаться и специфической чертой ее метода.

Итак, *содержание* криминалистики складывается из знания двух категорий:

- объективных закономерностей отражения *уголовно-релевантных* событий и явлений;
- приёмов и методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Система знаний о закономерностях отражательных процессов образует теоретические основы науки криминалистики. Учение о методах научной и практической криминалистики исходит из закономерностей отражательных процессов, базируется на этих закономерностях. Данное принципиальное положение можно проследить на примере любой отрасли криминалистики.

Так, знание закономерностей отражения расследуемого события в созна-

---

⁶ Криминалистика. М., 1971, с. 14.

⁷ Шавер Б. М. Указ. статья, с. 57.

⁸ Винберг А. И. О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы. - Советское государство и право, 1955, № 8, с. 85-86.

нии свидетелей, потерпевших, обвиняемых, процессов восприятия, формирования представлений, памяти, воспроизведения образов и представлений в устных и письменных показаниях с учетом особенности воспринимаемого события и личности допрашиваемого составляет теорию допроса. На познании этих закономерностей базируется разработка приемов организации допроса, выбора и порядка постановки вопросов, приемов восстановления забытого в памяти свидетеля, способов логического и психологического воздействия с целью получения правдивых показаний, т. е. собственно тактика допроса.

Система знаний о закономерностях отражения внешнего строения лиц и предметов в следах образует теорию трасологии. В ней рассматриваются понятие и элементы следового контакта, участвующие в нем объекты и дается классификация следов под углом зрения механизма их образования. Отправляясь от этого знания, разрабатываются приемы, методы и технические средства трасологического исследования с целью установления механизма образования следов и идентификации оставивших их объектов.

Система знаний о способах, механизмах и обстановке совершения преступлений, их структуре, свойствах - повторяемости, индивидуальности, классификации, отображении в окружающей среде, источниках информации о совершении преступления определенного вида - составляет теорию методики расследования преступлений. Отправляясь от этих закономерностей, криминалистика разрабатывает применительно к преступлениям, совершенным определенным способом и в определенных условиях, алгоритмы действий следователя и других участников расследования с учетом объема и характера информации о событии преступления в каждый данный момент расследования, т. е. с учетом типовой следственной ситуации. Такие алгоритмы и образуют собственно частные методики расследования должностных хищений, краж со взломом, нарушений правил техники безопасности, убийств и др.

Опережающее развитие теории в криминалистике имеет принципиальное значение, обеспечивая необходимый теоретический фундамент для экспериментальных и технических разработок, целеустремленность научного поиска, правильную систематизацию и оценку собранного фактического материала, эффективность научных рекомендаций - практических приемов, методов и средств собирания, фиксации и исследования информации об *уголовно-релевантных* фактах.

Следует отметить, что соотношение теории и методологии в различных

классово-исторических системах криминалистики выглядит по-разному. Буржуазная криминалистика, сформировавшаяся как научно-технический аппарат полиции, жандармерии, прокуратуры и буржуазного суда, характеризуется ярко выраженным прагматизмом, преобладанием метода перед теорией. Методы буржуазной криминалистики и ее отрасли формируются стихийно, единая система науки отсутствует, а ее содержание пассивно отражает складывающиеся в практической деятельности приемы исследования вещественных доказательств и производства следственных и розыскных действий. Компилятивный, справочно-прикладной характер буржуазной криминалистики признается буржуазными криминалистами⁹ и выражен в самих названиях науки: «научная полиция», «полицейская лаборатория», «техника и тактика расследования» и др.

Развитие советской криминалистики, особенно в последний период, характеризуется интенсивным развитием теории. Уже в 30-х годах появляются работы С. А. Голунского, С. М. Потапова, Б. М. Шавера, заложившие прочный фундамент теоретической криминалистики. Ее развитие идет как по линии разработки общих проблем науки (предмета, системы, методологии), так и по линии исследования закономерностей тех частных форм объективного отражения, которые являются предметом исследования в отдельных отраслях криминалистики: почерковедении, трасологии, баллистике, допросе, методике расследования хищений и т. д. На каждом из этих направлений уже создан ряд фундаментальных работ, составивших реальную теорию советской криминалистики. Существенно изменилось и само определение науки, в котором на первое место поставлено исследование закономерностей объективных процессов как теоретической основы разработки приемов, методов, средств раскрытия, расследования и предупреждения преступлений¹⁰.

Весь теоретический материал криминалистики отчетливо распределяется на три уровня общности:

1. Теория отдельных криминалистических учений: почерковедения, трасологии, осмотра, допроса и др. Этот уровень теории является наиболее ранним горизонтом криминалистики и поэтому наиболее фундаментально разработан.

2. Теория отдельных разделов криминалистики: техники, тактики, мето-

---

⁹ По мнению крупнейшего буржуазного криминалиста Э. Локара, криминалистика - это, «собственно говоря, искусство, а не наука, так как ее содержание образует методы (я чуть не сказал - рецепты), а не законы, если только не признать... что, вопреки мнению Аристотеля, предметом науки является не общее, а частное» (Л о к а р Э. Руководство по криминалистике. М., 1941, с. 9).

¹⁰ Криминалистика. Под ред. Р. С. Белкина, В. А. Викторова. М., 1976, с. 3-4.

дики расследования. Этот уровень теории получил развитие только после отчетливой дифференциации криминалистики на указанные разделы, происшедшей в относительно недавнее время¹¹.

3. Общая теория науки.

На третьем наиболее важном уровне теоретический материал криминалистики не получил достаточной систематизации. Традиционные курсы криминалистики рассматривают на этом уровне только вопросы предмета, метода и системы. Вместе с тем уже в ряде работ советских и зарубежных криминалистов показано, что многие теории и проблемы, возникшие и рассматриваемые в частных разделах криминалистики, имеют более высокий уровень общности, относятся к общей теории науки. К числу таких теорий обоснованно относятся теория криминалистической идентификации, проблема вероятностно-информационного моделирования, учение о версии и ряд других. На этом же уровне должна разрабатываться и общая методология криминалистики: философские основы, система, субординация и взаимодействие методов, в том числе логических, математических, системно-структурных, частнонаучных, специальных криминалистических.

Нетрудно убедиться в том, что снижение уровня общности знания существенно суживает возможности его разработки и практического применения. Так, рассматривая учение о версии в рамках тактики, ограничиваются рассмотрением следственных версий. Это сдерживает научную разработку весьма актуальной проблемы экспертных версий.

Рассмотрение проблем теории криминалистической идентификации в рамках криминалистической техники сдерживает разработку научных основ опознания и актуальных проблем доказывания тождества следователем и судом. Представляется неоправданным рассмотрение в частных разделах криминалистики таких ее общих понятий, как понятие способа действия преступника, ситуации, негативных обстоятельств, алгоритмических и эвристических методов и т. п.

Итак, вполне своевременным и обоснованным является выделение общей теории криминалистики в самостоятельный раздел науки. Такое выделение, связанное с пересмотром традиционных представлений о системе криминалистики, будет способствовать дальнейшему эффективному развитию криминалистики.

Итак, содержание науки криминалистики образуют теория и методология: первая как система знаний о закономерностях отражательных информационных

---

¹¹ Криминалистика. Под ред. С. А. Голунского. М., 1959, с. 7-12.

и познавательных процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; вторая как система основанных на указанных закономерностях знаний о наиболее эффективных приемах, методах, средствах информационно-познавательной деятельности.

Система знаний, образующих содержание науки криминалистики, характеризуется исторически сложившейся упорядоченностью. Такая упорядоченная система и представляет систему криминалистики. В настоящее время является общепризнанным выделение в системе советской криминалистики трех самостоятельных разделов: техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений.

Рассмотрим соотношение этих разделов криминалистики с точки зрения их информационно-познавательной структуры.

Основная задача криминалистической техники состоит в обнаружении, обработке, хранении и исследовании информации о расследуемом событии, содержащейся в материальных источниках: предметах и их следах и имеющих форму сигнала - физического процесса той или иной природы: светового, звукового, электрического, биоэлектрического или иного импульса. Закономерности, управляющие механизмами следообразования, способы извлечения и дешифровки содержащейся в следах¹² информации, приемы ее сравнения, обработки, оценки и формирования выводов - таков предмет криминалистической техники. Таким образом, исследуемый криминалистической техникой информационный канал складывается в результате взаимодействия материальных тел, а сам механизм этого взаимодействия и методы его исследования являются предметом криминалистической техники.

Предметом криминалистической тактики является человеческая деятельность, находящаяся в структуре информационно-познавательного процесса расследования. При этом необходимо различать:

- деятельность участников расследуемого события, входящую в механизм расследуемого события;
- деятельность участников расследования, образующую процесс расследования.

Деятельность участников расследуемого события исследуется, как и механизм расследуемого события в целом, по следам-отображениям этого события в

---

¹² Под следами в данном случае имеются в виду любые материальные изменения, несущие информацию о расследуемом событии: следы лиц, животных и предметов, фотоснимки, рукописи, частички материалов, веществ, изделия, изменения состояния вещей.

окружающей обстановке. Исходная информация о взаимодействии материальных тел и информация о деятельности участников расследуемого события извлекаются из одного и того же источника - следа. Поэтому существенное значение приобретает вопрос о соотношении криминалистической техники и тактики и соответственно технических и тактических приемов расследования.

Поскольку человеческая деятельность связана с воздействием на материальные объекты и процессы, а также использованием орудий и технических средств, криминалистическая тактика на более высоком уровне включает криминалистическую технику. Это означает, что взаимодействие материальных тел и процессов также является предметом криминалистической тактики, но уже не в изолированном виде, а в качестве одного из элементов целенаправленной человеческой деятельности, например взаимодействия предмета и средства человеческой деятельности.

Обнаружение следов преступника является задачей как криминалистической техники, так и тактики, однако пути и средства ее разрешения оказываются различными. Криминалистическая техника отправляется от свойств взаимодействующих объектов и прибора (средства), используемого для обнаружения следов, например, свойств бумаги, травящего вещества и реактива, используемого для выявления удаленных записей. Криминалистическая тактика исходит из моделирования деятельности преступника. Проецируя модель расследуемого события на материальную обстановку, следователь выделяет точки их взаимодействия, которые являются потенциальными носителями информации о расследуемом событии. Тактические приемы обнаружения следов создают таким образом необходимые предпосылки успешного применения приемов и средств криминалистической техники.

В свою очередь методика расследования преступлений приспособливает криминалистическую технику и тактику к решению своих задач. Это означает, что при рассмотрении целостной структуры расследования отдельного преступления принимаются во внимание и используются научные рекомендации и требования криминалистической техники и тактики. Вместе с тем частная методика - это конкретизация криминалистической техники и тактики, их преломление к условиям расследования преступлений, совершенных определенным способом.

Предметом методики расследования отдельных видов преступлений является информационно-познавательная структура расследования преступлений, совершенных определенным типовым способом. Элементами этой структуры явля-

ются узловые следственные ситуации, различающиеся по объему и характеру информации о расследуемом событии.

Выделение и интенсивное развитие в составе криминалистики методики расследования преступлений глубоко закономерно, ибо полностью соответствует методу криминалистики, ее подходу к исследованию явлений. Путь криминалистического познания от способа совершения преступления к методу его раскрытия должен быть конкретизирован. Поскольку нет преступления «вообще», нет и расследования «вообще». Конкретные алгоритмы методики расследования должны отпираться от конкретных способов совершения преступлений.

Выделение и разработка частных методик расследования в настоящее время тесно связаны с проблемой криминалистической классификации преступлений по способу их совершения, которая должна войти в теоретические основы данного раздела криминалистики. Несовершенство существующих в настоящее время криминалистических классификаций преступлений обусловлено тем, что способ совершения не всегда последовательно используется как главное основание классификации. Нередко основой классификации авторы считают предмет посягательства и степень общественной опасности преступления, т. е. используют основания, существенные для уголовно-правовой квалификации, а не раскрытия и расследования преступлений.

Так, в частной методике до настоящего времени отдельно рассматриваются методики расследования краж со взломом общественного и государственного имущества и краж со взломом личного имущества, хотя с точки зрения способа их совершения и методики расследования они имеют много общего. Вместе с тем вряд ли целесообразно создание объединенных методик расследования преступлений, не имеющих как с точки зрения способов их совершения, так и с точки зрения методов их расследования достаточной криминалистической общности. Таковы, например, должностные преступления, имеющие общий родовой объект, сходные криминалистические характеристики, но весьма различные с точки зрения способов их совершения и методов расследования. Криминалистическая

классификация преступлений, основанная на исследовании внутренней структуры преступлений каждого вида, должна быть положена в основу расследования по способу совершения («модус операнди систем»), а также в основу современных автоматизированных регистрационных систем для поиска преступников по способу совершения преступления.

В связи с вышеизложенным следует признать неполными и неточными определения криминалистики как «науки о приемах» (технических приемах и средствах, тактических приемах и методах раскрытия расследования и предупреждения преступлений)¹³.

Предметом криминалистики являются в первую очередь закономерности объективных информационно-познавательных процессов, а приемы и методы должны исходить из указанных закономерностей, основываться на них. Поэтому, будучи существенным элементом предмета криминалистики, приемы и методы отнюдь не являются элементом ведущим и тем более не исчерпывают всего содержания криминалистики.

Вопрос о *границах предмета криминалистики* должен решаться на основе единства, целостности информационно-познавательного процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В литературе высказана точка зрения о том, что предмет криминалистики должен быть ограничен предварительным расследованием¹⁴. В соответствии с этой точкой зрения проверка материалов, производимая до возбуждения уголовного дела, и оперативно-розыскные действия, направленные на выявление готовящихся или совершенных преступлений, сбор сведений о личности, местонахождении и связях преступника, на установление объектов - возможных носителей доказательственной информации - не являются предметом криминалистики. Не является предметом криминалистики и судебное следствие. Представляется, что такого рода «привязка» криминалистики к отдельной стадии уголовного процесса суживает задачи и значение криминалистики и не соответствует структуре исследуемых криминалистической информационно-познавательных процессов¹⁵. Для определения границ пред-

---

¹³ Такое определение науки с несущественными различиями содержалось в вузовских учебниках криминалистики 1950, 1958, 1959, 1963 и 1973 гг. издания.

¹⁴ См.: Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976, с. 19-24.

¹⁵ Такого взгляда придерживаются также Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964; Белкин Р. С., Краснобаев Ю. И. О предмете советской криминалистики. - Правоведение, 1967, № 4, с. 94; Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистика. М., 1949; Криминалистика. М., 1950, с. 21, с. 3; Колмаков В. П. Введение в курс науки советской криминалистики. Одесса, 1973, с. 6; Танасевич В. Г. Советская криминалистика (теоретические проблемы). М., 1978, с. 35-46; Краснобаев Ю. И. Совершенствование предварительного следствия и предмет советской криминалистики.

мета криминалистики существенна взаимосвязь элементов информационно-познавательного процесса, образующая целостную структуру.

Информационно-познавательная деятельность по раскрытию преступления начинается до возбуждения уголовного дела и может осуществляться вне рамок уголовно-процессуальных действий. В этом состоит одна из отличительных особенностей предмета криминалистики по сравнению с предметом уголовного процесса.

Предварительная проверка поступивших в орган дознания, следователю и суду материалов (ст. 109 УПК РСФСР) представляет информационно-познавательную деятельность, направленную на выявление в первоначальных материалах признаков преступления, т. е. информации о расследуемом событии.

Оперативно-розыскные действия - «это такие действия органов дознания, которые, не будучи процессуальными, направлены на выявление готовящихся и совершенных преступлений, сбор сведений о личности и местонахождении преступника, его связях на установление и обеспечение сохранности объектов - возможных носителей доказательственной информации»¹⁶. Из этого определения оперативно-розыскных действий также ясно видна их информационно-познавательная природа.

Судебное разбирательство представляет собой самостоятельное исследование расследуемого события, завершающееся установлением истины по уголовному делу. Хотя процессуальные формы исследования на разных стадиях уголовного процесса различны, единство, целостность информационно-познавательного процесса, обусловленные его предметом (расследуемое событие), общностью источников информации, единством логического процесса, общностью технических и тактических приемов получения и переработки информации, являются очевидными. Все это свидетельствует о необходимости научной разработки информационно-познавательного процесса раскрытия и расследования преступлений в рамках единой науки - криминалистики.

Изложенное дает основание для следующего определения криминалистики: криминалистика - это наука о закономерностях объективного отражения и познания уголовно-релевантных фактов и основанных на этих закономерностях приемах, методах и средствах информационно-познавательной деятельности субъектов доказывания и иных надлежащим образом уполномоченных лиц, осуществляющих раскрытие, расследование и предупреждение преступлений.

Волгоград, 1979; и др.

¹⁶ Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, с. 39.

Отражая самое существенное в объекте и позволяя отграничить криминалистику от смежных наук, данное определение, как и всякая дефиниция, имеет ограниченное значение и не заменяет развития самой сути дела. Важно подчеркнуть при этом, что, хотя информационно-познавательные процессы и представляют основной аспект криминалистики, они не исчерпывают ее содержания. Эти процессы тесно связаны с правовыми, психологическими, этическими, организационными, техническими, управленческими и иными аспектами расследования, которые в силу и в меру этой связи не могут остаться в стороне от криминалистического исследования, непосредственно входя в его предмет как стороны информационно-познавательного процесса или образуя смежные, пограничные с другими науками области.

Определение информационно-познавательной структуры раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в качестве предмета криминалистики должно способствовать более глубоким исследованиям структуры информационно-познавательного процесса, представляющего теоретический фундамент технических и экспериментальных разработок криминалистов.

При этом возникает возможность более полного использования современного научного аппарата теории информации, логики, теории систем. Существующая в настоящее время система криминалистики не дает достаточного простора для широкого использования достижений указанных наук применительно к нуждам расследования. Это приводит к тому, что непосредственно относящиеся к предмету криминалистики проблемы рассматриваются за ее пределами. Примером может служить выделение из курса криминалистики «Логика следствия» и «Логика доказывания»¹⁷, а также комплекса информационно-познавательных проблем криминалистики и криминалистической экспертизы, рассматриваемых в рамках «правовой кибернетики», - дисциплины, не получившей еще достаточно строгого научного определения¹⁸.

§ 2. Проблема структурного анализа информационно-познавательного процесса расследования

В информационно-познавательном процессе расследования наибольший интерес и значение имеет структурный анализ процесса доказывания с целью установления истины по уголовному делу.

---

¹⁷ Эйсман А. А. Логика доказывания. М., 1971; Лузгин И. М. Логика следствия. М., 1976.

¹⁸ Правовая кибернетика. М., 1970; Кибернетика и право. М., 1970; и др.

Структурный анализ процесса доказывания предполагает выделение в его составе существенных элементов, изучение свойств этих элементов и существующих между ними связей, а также образуемой ими целостной структуры. Такой анализ связан с исследованием различных категорий фактических данных, представляющих результаты доказывания на его отдельных стадиях.

Анализу отдельных элементов структуры доказывания должны предшествовать рассмотрение его методологических основ, а также общая характеристика структуры доказывания как познавательного процесса.

Классической является общеизвестная формула В. И. Ленина, отражающая структуру познавательного процесса, взятого в целом: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике - таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»¹⁹.

Диалектический подход к познавательному процессу, имеющему свои ступени, стадии, моменты, использующему различные познавательные способы, исходит, как правильно отмечается в философской литературе²⁰, из структурности этого процесса.

При этом обоснованно подчеркивается то обстоятельство, что частные методы познания, а следовательно, и познавательные процессы, являющиеся предметом исследования специальных наук, имеют свои особые специфические структуры²¹.

В общем виде под структурой понимают устойчивую закономерную связь элементов, частей, образующих целостную систему²².

Общее понятие элементов процесса доказывания не получило еще определения в юридической науке. Во многом дискуссионным является и определение отдельных элементов, выражаемых понятиями доказательства, источника доказательства, фактических данных, доказательственных и главного факта. Однозначного определения этих понятий в процессуальной литературе до настоящего времени нет.

Существенным недостатком структурного анализа процесса доказывания в

---

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152-153.

²⁰ См.: Розенталь М. М. Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие. - В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966, с. 36.

²¹ Общая характеристика особенностей судебного доказывания как разновидности процесса познания действительности подробно рассматривается в общих руководствах по теории судебных доказательств (см., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 3-365).

²² Общая теория систем получила развитие в следующих работах: Бергманн Л. Ф. История и статус общей теории систем. - В кн.: Системные исследования. М., 1973; Месаревич М. Основания общей теории систем. - В кн.: Общая теория систем. М., 1966; Уемова А. И. Методы построения и развития общей теории систем. - В кн.: Системные исследования. М., 1973; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; и др.

юридической литературе является, на наш взгляд, неразработанность объективных научных критериев, необходимых для выделения и определения элементов процессуального доказывания. Этим, на наш взгляд, объясняются и обилие точек зрения, высказанных в юридической литературе по вопросу об элементах процесса доказывания, и неоднозначность предлагаемых определений, непоследовательность предпринимаемого отдельными авторами анализа.

В юридическом анализе структуры процессуального доказывания наметились две основные тенденции. Первая связана с детальной дифференциацией разнокачественных в процессуальном и логическом отношении элементов. Эта тенденция выражается в выделении и анализе таких средств доказывания, как материальные источники, способ выражения содержащейся в них информации, фактические данные (доказательства), доказательственные и искомые факты, главный факт и предмет доказывания. Вторая тенденция выражается в объединении различных элементов процессуального доказывания в единое понятие «доказательства», в отказе от выделения и отдельного рассмотрения этих элементов.

Особенно отчетливо это направление выражено А. И. Трусовым. Он, по существу, отождествляет понятия источника, доказательства, доказательственного и главного факта²³.

Действительно, исследование структуры процесса доказывания связано с известными методологическими трудностями. «Трудность при изучении системы и компонентов, - отмечает И. В. Блауберг, - состоит в том, что выделение отдельных компонентов и их свойств разрушает систему, изучение же системы со всеми присущими ей взаимосвязями делает невозможным одновременное выделение отдельных компонентов»²⁴.

Указанные трудности предопределяют неизбежную *условность* выделения элементов. Выделение элементов из реальных взаимосвязей, образующих систему, возможно лишь как *способ анализа, прием научного исследования*. Самостоятельное существование элемента вне связей, ведущих к структурному целому, невозможно. С другой стороны, выделение элементов является *неизбежным* приемом исследования реальных связей, явлений.

Таким образом, выделение отдельных элементов и связей, абстрагирование их от системы не только не противоречит *диалектическому подходу к познанию*, но *составляет* его необходимое условие. Без выделения элементов и прослежи-

---

²³ См.: Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, с. 47.

²⁴ Вопросы философии, 1956, № 5, с. 41.

вания связей между ними вообще невозможно научное исследование, ибо выделение элементов в составе структуры - это и есть анализ структуры²⁵.

Если же сознательно ставится задача анализа структуры доказывания, выделения и рассмотрения его элементов, к такому анализу должны быть предъявлены требования полноты и последовательности. Чем детальнее проведен анализ и тщательнее исследованы связи и соотношения элементов, тем больше информации о структуре исследуемого объекта даст он исследователю.

Логическое доказывание невозможно без выделения и «противопоставления» тезиса и аргументов. В процессуальном доказывании этим логическим элементам соответствует предмет доказывания и факты, с помощью которых он устанавливается.

Отдельные ученые ограничиваются выделением указанных элементов, в связи с чем структура доказывания приобретает соответствующий двухэлементный характер: «доказательства - предмет доказывания». Такая структурная концепция прямо вытекает из широкой трактовки понятия доказательства, когда в это понятие вкладывается понятие материального источника и средства доказывания и доказательственного факта. Необходимость дифференциации двухэлементной структуры доказывания прослеживается в концепции Ф. Н. Фаткуллина, выделяющего, с одной стороны, «предмет доказывания», а с другой - «средства доказывания», в числе которых различаются источники, фактические данные и способы их получения, т. е. другие элементы процессуального доказывания²⁶. По мнению А. А. Эйсмана, «доказательственный факт», источник и средство доказывания не являются отдельными, независимыми, самостоятельными явлениями, а представляют собой стороны, моменты единого понятия личного доказательства²⁷.

Однако двухэлементная структура, будучи достаточной для формально-логического анализа простого умозаключения, оказывается явно недостаточной для информационно-логического анализа структуры доказывания в целом.

Доказательственные факты, с помощью которых устанавливается предмет доказывания, сами должны быть установлены посредством исходных фактических данных.

---

²⁵ О выделении элементов как приеме анализа см.: К е д р о в Б. М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1968, с. 208.

²⁶ См.: Ф а т к у л л и н Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973, с. 46-144.

²⁷ См.: Э й с м а н А. А. О понятии вещественного доказательства и его соотношения с доказательствами других видов. - В кн.: Вопросы предупреждения преступности, вып. 1. М., 1965, с. 92.

Далее, в отличие от чисто логического доказывания, исходящего, как известно, из готовых данных (посылок), процессуальное доказывание не имеет заранее данной фактической базы. Исходные фактические данные для выводов о преступлении и преступниках и даже для предположений (версий) о них должны быть установлены в ходе самого процессуального доказывания. Поэтому анализ структуры процессуального доказывания должен дать ответ на вопросы, из каких источников и каким образом могут быть получены фактические данные, пригодные для последующей логической обработки, как соотносится анализ информации, полученной из материальных источников, и ее логическая обработка в процессе доказывания.

При попытках найти ответ на эти вопросы оказывается, что первоначально выделенные «элементы» сами состоят из ряда разнокачественных и функционально разнородных элементов, непосредственно входящих в «ткань» процесса доказывания. В составе «доказательства» при этом обычно выделяются материальный источник - носитель информации о расследуемом событии, средства доказывания как форма выражения сигналов доказательственной информации, фактические данные и доказательственные факты как идеальные отражения фактов в сознании лица, осуществляющего доказывание. При этом информация о структуре доказывания оказывается значительно более разносторонней, полнее отражает специфику структуры познавательного процесса и лучше обеспечивает решение практических задач доказывания. Доказывание как мыслительный процесс в сущности и сводится к обнаружению, «выделению» в составе реального противоправного деяния существенных в правовом отношении элементов и прослеживанию их многосторонних связей, образующих содержание объективной истины по делу.

Поскольку процесс доказывания представляет разновидность процесса познания, отражения человеком объективной действительности, структура его обуславливается общей структурой действующих при этом отражательных и информационных процессов. Общая структура процесса отражения и передачи информации достаточно изучена современной наукой. Она, очевидно, и является тем объективным критерием, который должен быть положен в основу выделения элементов процесса доказывания. Выделение разнокачественных в функциональном отношении элементов процессуального доказывания и прослеживания их связей должно отправляться от общей структуры отражательных процессов в сфере доказывания.

Сопоставление же процессуального доказывания с общими процессами и

механизмами отражения может использоваться как метод научного исследования структуры процессуального доказывания.

В связи с изложенным рассмотрим общую структуру и содержание отражательных процессов в сфере доказывания.

Вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения. На необходимость всестороннего использования глубочайших идей ленинской теории отражения при разработке конкретных проблем теории судебных доказательств справедливо указывалось в юридической литературе²⁸.

Значение и актуальность теории отражения объясняются тем, что они позволяют глубже вскрывать сущность явлений, «как бы анатомировать изучаемый объект, процесс»²⁹.

Свойство отражения производно от таких всеобщих фундаментальных свойств материи, как движение, взаимосвязь, взаимодействие. Всякое изменение одного предмета, явления или процесса под влиянием другого отображает в той или иной форме свойства этого последнего, является его отражением.

«Взаимодействие, - отмечал Энгельс, - исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное; но вместе с тем оно есть такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения; чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат»³⁰. Элементарный акт взаимодействия, следовательно, можно рассматривать по отношению к одному или другому из взаимодействующих объектов. Тогда любой из взаимодействующих объектов будет выступать, с одной стороны, как источник воздействия, или отражаемый объект, а с другой - как отражающий объект, являющийся материальным носителем и субстратом отображения³¹.

Исследование конкретного процесса и результата отражения требует его выделения из процесса всеобщего взаимодействия и рассмотрения, что именно и в чем отражается. Любое конкретное отображение, в том числе следы и отпе-

---

²⁸ См.: Голунский С. А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе. - Советское государство и право, 1955, № 7, с. 71; Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 61; Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.

²⁹ См.: Жуков Н. И. Информация (философский анализ). Минск, 1966, с. 10.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 483.

³¹ См.: Тюттин В. С. О природе образа. М., 1963, с. 111-112.

чатки, исследуемые в процессе доказывания, образуется в условиях одностороннего направленного воздействия, свойственного причинно-следственным отношениям объектов материального мира. При этом только та взаимосвязь ведет к отражению, которая имеет причинно-следственный характер и сопровождается, как отметил И. В. Кузнецов, переносом материи и движения в направлении от причины к следствию³².

Поскольку выделение причины и следствия всегда связано с абстрагированием из всеобщего взаимодействия явлений, структурный анализ конкретного процесса отражения также неизбежно связан со схематизацией, «огрублением» действительности³³.

В наиболее общем виде отражение определяется как «процесс и один из результатов воздействия одной материальной системы (отображаемой) на другую (отображающую), представляющий собой воспроизведение в иной форме особенностей первой системы во второй»³⁴.

Всякий акт отражения как особая форма взаимодействия явлений предполагает:

- 1) отображаемое - объект, свойства которого становятся прообразом изменений, происходящих в отображающей системе;
- 2) формирующее воздействие отображаемого на отображающую систему;
- 3) отображающую систему, получатель формирующих воздействий, в результате которых возникает отображение (след или образ отображаемого объекта);
- 4) отображение.

Главным элементом отражательного процесса является отображение.

Отображение представляет сложный процесс и суммарный результат внутреннего взаимодействия сил, обусловленных как отражаемым, так и отражающим объектом.

В отображении необходимо различать два момента:

- а) внешнее обратное воздействие отображающего на отображаемое и другие объекты; б) след (образ) как совокупность изменений, сохранившихся внутри отображающей системы.

---

³² Проблема причинности в современной физике. М., 1960.

³³ Примером продуктивного использования принципа отражения в доказывании тождества является деление объектов на идентифицируемые (отражаемые) и идентифицирующие (отражающие), выделяющее во взаимодействии объектов причинно-следственные отношения и указывающее на состав и направление отражения полезной информации.

³⁴ Украинцев Б. С., Платонов Г. В. Об объективных критериях и материальной основе развития форм отражения. - Вопросы философии, 1964, № 10, с. 27.

Внешнее обратное отражение следует учитывать при разработке методов розыска и идентификации преступника по следам на его теле и одежде с места преступления, при использовании с этой целью деятельности потерпевшего, активистов-общественников и иных лиц.

Внутренние «изменения», остаточные явления в отражающем как следы воздействия представляют особый интерес для доказывания. Именно они представляют исходную базу судебного исследования, образуя «следы преступления» в широком смысле.

По его следам - материальным и идеальным отображениям в окружающей обстановке и сознании людей - устанавливаются все фактические обстоятельства расследуемого события.

Отношения объекта и его отображения характеризуются той или иной формой физического подобия³⁵.

Таковы, например, геометрическое подобие предмета и оставленного им следа, оригинала и его фотографического снимка и т. д.

На высших уровнях отражения, когда взаимодействующие объекты представляют сложные органически целостные системы, отношение объекта и отображения становится более глубоким и универсальным. Сходство между ними в главном зависит не от сходства их компонентов, а от подобия взаимосвязей между компонентами³⁶. Отношение подобия сменяется более универсальным отношением изоморфизма³⁷.

Отношение изоморфизма столь же универсально, сколь универсально отношение взаимодействия материальных структур. В основе изоморфизма лежит закон взаимодействия, закон причинности. Везде в природе, где имеет место протекающий во времени процесс взаимодействия материальных структур, складывается отношение изоморфизма.

«Любое изменение одного объекта, - пишет В. С. Тюхтин,- полученное в результате его взаимодействия с другим объектом, можно рассматривать как изоморфное отображение, или модель определенной стороны другого объекта. И

---

³⁵ Теория подобия изучает условия подобия физических явлений и служит основой для их моделирования. Подобие есть тождество объектов в каких-либо соотношениях (или признаках) при их различиях в других соотношениях, не входящих в подобие. Подобие можно понимать как одностороннее (неполное) тождество объектов в каких-либо отношениях (признаках). Различаются математическое и физическое (геометрическое, кинематическое, динамическое) подобие и соответственно этому различаются математическое и физическое моделирование (см.: С е д о в Л. И. Методы подобия и размерности в механике. М., 1964).

³⁶ См.: К р е м я н с к и й В. И. Типы отражения как свойства материи. - Вопросы философии, 1963, № 8, с. 136.

³⁷ Изоморфными называются системы (множества), если их элементы взаимно однозначно соответствуют друг другу и связи одной системы соответствуют связям другой системы.

наоборот, изменение второго в результате его взаимодействия с первым объектом есть модель первого, его определенной стороны»³⁸.

Отношение изоморфизма взаимодействующих объектов имеет принципиальное значение для теории познания и судебного исследования. Поскольку отношение связи и взаимодействия универсально, постольку все свойства объекта в принципе могут быть представлены в виде изоморфных отображений. Последние же в силу однозначного соответствия с объектом могут послужить основой для выявления и определения собственных свойств объекта.

Отношение изоморфизма является, таким образом, основой объективного адекватного познания действительности человеком. Разграничение понятий подобия, изоморфизма и тождества имеет существенное значение для решения ряда специально криминалистических проблем. Так, М. Я. Сегаем предложено понятие идентификационных связей (прямых, встречных, обратных), складывающихся в процессе взаимодействия объектов идентификации. Между тем, строго говоря, «идентификационная связь» существует только как отношение тождества между различными состояниями одного и того же объекта. Однако М. Я. Сегай использует термин «идентификационная связь» для обозначения взаимодействия между различными объектами идентификации. Результат такого взаимодействия более точно обозначает термин «изоморфизм отображения»³⁹.

Аналогичную ошибку допускает И. Д. Кучеров, считая, что «отношение между отражением и отображаемым характеризуется тождеством-различием»⁴⁰. Отношение объекта и отображения - это, как показано выше, отношение подобия, изоморфизма.

Для криминалистики и теории идентификации разграничение указанных отношений и понятий имеет принципиальное значение.

Достаточно сослаться в этой связи на разграничение понятий отдельного и сравнительного исследования при идентификации. При отдельном изучении следов, рукописей, фотоснимков предметом исследования является отношение изоморфизма следа и вызвавшего его объекта. Метод же такого исследования состоит в анализе информационного канала, по которому происходит передача информации от объекта идентифицируемого к объекту идентифицирующему. При этом основное значение приобретает анализ, эксперимент, причинное следование.

---

³⁸ Т у х т и н В. С. О природе образа. М., 1963, с. 15.

³⁹ См.: С е г а й М. Я. Методология судебной идентификации. Киев, 1970, с. 85-127; и др.

⁴⁰ К у ч е р о в И. Д. Соотношение тождества и различия. Минск, 1968, с. 79.

В стадии сравнения предметом исследования является отношение тождества идентифицируемых объектов, мыслимых существующими раздельно. Оценка установленных путем сравнительного исследования совпадений и различий является методом исследования. Аналитические методы, таким образом, уступают место оценочным.

Из сказанного видно, что разграничение понятий изоморфизма и тождества имеет не только теоретическое, но и методическое значение. Смешение тождества и сходства, тождества и изоморфизма, как уже неоднократно отмечалось в криминалистической и процессуальной литературе, ведет к серьезным ошибкам в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

§ 3. Информация и расследование

Понятие информации тесно связано с процессом отражения, происходящим при взаимодействии материальных тел.

Важнейшая сторона научного понятия информации состоит в том, что этим понятием обозначается содержание процесса отражения.

«Информация,- пишет Н. Винер, - это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств»⁴¹. Процесс познания, как правильно отмечает И. Земан, является также процессом передачи информации, и теория информации дает, как известно, возможность точного изучения информационных каналов⁴².

Структура информационного процесса при доказывании соответствует общей структуре информационного процесса и состоит из трех основных элементов:

- системы, от которой исходит информация;
- системы, получающей информацию;
- носителя информации, соединяющего первые две системы.

Рассмотрим эти элементы подробнее.

В качестве системы, от которой исходит информация, выступает сложная динамическая система - процесс совершения преступления и связанные с ним обстоятельства, устанавливаемые при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

---

⁴¹ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958, с. 31.

⁴² См.: Земан И. Философия и кибернетика. - В кн.: Философия и естествознание. М., 1965, с. 798.

Процесс совершения преступления связан со взаимодействием ряда объектов, процессами отражения одних объектов в других. Этот процесс может включать автономные познавательные и информационные процессы, например, передачи кодированных сообщений, отслеживание жертвы, согласование действий преступников в пространстве и времени и т. д.

В процессе доказывания все эти процессы и системы выступают в качестве единой, целостной системы - процесса преступления, продуцирующего информацию и являющегося, таким образом, системой, от которой исходит информация.

В качестве системы, получающей информацию, выступает субъект доказывания, т. е. специально уполномоченное лицо, которому в соответствии с законом предоставлено право или предписана обязанность участия в процессе доказывания. К их числу относятся: лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд, обвиняемый и подозреваемый, законный представитель, потерпевший и его представитель, защитник, общественный обвинитель и защитник, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.

Деятельность субъектов доказывания регламентирована законом и согласована таким образом, чтобы обеспечить наиболее всестороннее и полное получение информации об обстоятельствах преступления⁴³.

В качестве центрального элемента системы, объединяющего два рассмотренных элемента, выступает носитель информации о расследуемом событии - любой материальный объект, участвовавший во взаимодействии тел, образующем процесс преступления. Каждый такой объект является, как это было показано выше, одновременно источником и носителем отображения и может рассматриваться поэтому как носитель информации о расследуемом событии. В качестве таких материальных систем могут выступать лица (обвиняемые, подозреваемые, потерпевшие, свидетели), документы и различные предметы.

При более подробном ознакомлении с носителем информации в составе каждого из них могут быть выделены материальные следы, отпечатки и психические отображения (образы), явившиеся результатом взаимодействия, связанного с расследуемым событием. Следы и образы в преобразованном виде отражают содержание тех обстоятельств, в результате которых они возникли. След руки, например, отражает строение кисти, отдельных пальцев, микрорельеф кожи, а также способ действия (захват, касание, опорное движение и т. д.) с предметом;

---

⁴³ Подробно о субъектах доказывания и формах их участия в процессе доказывания см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 494-566 (авторы главы И. Л. Петрухин, А. Р. Ратинов, Н. А. Якубович).

образ, сохранившийся в сознании свидетеля, может отражать содержание и последовательность действий преступника при подготовке, совершении или сокрытии преступления, высказанные им намерения, угрозы и т. д. След и образ как результаты взаимодействия материальных систем представляют изоморфные отображения, т. е. отображения, взаимно однозначно соответствующие оригиналу. Рассматриваемые с позиции теории информации материальные следы и психические отображения представляют не что иное, как кодированные сообщения, сигналы информации о расследуемом событии⁴⁴.

С точки зрения формы сигнал информации о расследуемом событии может быть выражен в форме любого физического процесса, материальных свойств любого предмета, признаков следа или рукописи, психического отображения в сознании свидетеля и любого другого процесса.

С точки зрения содержания сигнал представляет преобразованное, изоморфное отражение вызвавших его обстоятельств, связанных с расследуемым событием, т. е. несет информацию о преступлении.

Как видно из сказанного, получение и использование информации в ходе доказывания связано с обычными информационными процессами преобразования (кодирования и дешифровки) сообщений. Поскольку при образовании следов используются не специально созданные, а естественные «каналы связи», отсутствует и специальная операция кодирования. В этих случаях говорят о так называемом «естественном коде» сообщения. Обратное преобразование сигналов (декодирование, дешифровка) осуществляется по правилам этого «естественного кода». Это положение особенно наглядно на примере образования зрительных образов. Когда какой-либо предмет попадает в поле зрения, отраженные от его поверхности лучи света воздействуют на сетчатку глаза и вызывают в ней сложные биохимические процессы. Эти процессы преобразуются в биоэлектрические импульсы, которые распространяются вдоль волокон зрительного нерва и вызывают в затылочных долях коры головного мозга зрительные ощущения. Из этих ощущений строится целостный зрительный образ объекта. Данные физиологии нервной деятельности говорят о том, что биоэлектрические импульсы, распространяющиеся от различных органов чувств (зрение, слух, осязание и т. д.), в основных чертах имеют одну и ту же природу. Только в различных отделах коры головного мозга, куда эти импульсы поступают, они «расшифровываются» и возникает образ, адекватный исходному воздействию. В результате человек может

---

⁴⁴ То обстоятельство, что в этом случае нет пространственной передачи сообщений, не меняет информационной природы сигнала, так как хранение информации в следах и образах есть передача ее во времени.

судить, о каких именно сторонах, свойствах действительности информирует его то или иное ощущение. Обычный зрительный образ связан, следовательно, с преобразованием (кодированием) исходного светового сигнала в сетчатке и обратным преобразованием его (декодированием) в затылочной доле коры головного мозга. Сохранившиеся в сознании человека зрительные и иные образы могут быть актуализированы и «считаны» при воспоминании и воспроизведении этих образов, например дающим показания свидетелем.

Несколько иной механизм дешифровки информации, заключенной в следах. Дешифровка, прочтение следов должны быть произведены лицом, осуществляющим расследование. Для этого необходимо овладеть «естественным кодом», т. е. выяснить способ преобразования информации, заключенной в следе. Практически это осуществляется путем исследования механизма образования следа, т. е. способа взаимодействия объектов при его образовании.

Наибольшее внимание исследованию этих процессов уделяется в криминалистике, которая в значительной своей части и посвящена разработке методов дешифровки, извлечения информации о расследуемом событии при проведении различных следственных действий.

Рассматривая процесс доказывания, уместно поставить вопрос о понятии *доказательственной информации*. Логично предположить, что именно понятие доказательственной информации является центральным при информационной трактовке процесса доказывания. Получение доказательственной информации и исследование ее свойств: количества, достаточности, относимости, ценности и других - составляют, очевидно, основное содержание процесса доказывания.

В качестве первоначального может быть предложено определение доказательственной информации как любых фактических данных, полученных в предусмотренной законом форме и используемых для установления события преступления и всех связанных с ним существенных в правовом отношении обстоятельств.

Нередко высказывается сомнение в правомерности и необходимости понятия доказательственной информации при наличии якобы тождественного ему понятия «доказательства».

В связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть, что понятие доказательственной информации отражает *содержательную* сторону доказательства, которая на определенном этапе доказывания, а именно когда осуществляется процесс оценки, должна быть абстрагирована от источника и подвергнута самостоятельному исследованию.

Так, выделенная при исследовании совокупность свойств идентифицируемого объекта оценивается с точки зрения ее неповторимости в однородных объектах, данные о способе преступления - с точки зрения их типичности или специфичности, данные о мотиве - с точки зрения разграничения убийства по мотиву мести от убийства, совершенного из хулиганских побуждений.

В машинных формализованных учетных и идентификационных системах, используемых для раскрытия и расследования преступлений, фигурирует информация в «чистом» виде, которая подвергается обработке, «взвешиванию», типизации, дифференциации, индивидуализации и иным операциям для разрешения заложенных в программы этих систем задач.

Таким образом, понятие доказательственной информации теоретически обосновано и практически необходимо на тех стадиях доказывания, когда содержательную сторону доказательств исследуют, отвлекаясь от способа их получения. Выделение понятия доказательственной информации позволяет, на наш взгляд, точно дифференцировать процессы и понятия «проверки» и «оценки» доказательств, которым часто дается неоднозначная трактовка.

Процесс проверки доказательств - это процесс работы с источником, исследования его информационного канала, прочтение, дешифровка содержащейся в нем информации, выяснения ее адекватности.

Процесс оценки - это обработка самой информации с точки зрения ее относимости, количества и качества, достаточности для выводов и подлежащих установлению фактов.

Итак, проверка - это исследование источника, оценка - это исследование доказываемого факта.

Определяя доказательственную информацию как фактические данные, мы приписываем ей ряд свойств, которыми характеризуются факты, используемые для установления предмета доказывания, в частности относимость и процессуальная форма их получения.

Доказательственную информацию существенно отграничивать от информации, полученной из непроцессуальных, т. е. не предусмотренных законом, источников. Таковы сообщения органов дознания, анонимные письма, данные, полученные в ходе предварительных бесед с отдельными лицами, и т. д. Непроцессуальная информация может использоваться для получения информации процессуальной, но использоваться в процессе доказывания не может.

Доказательственную информацию как установленные в процессуальной форме фактические данные о расследуемом событии следует отграничивать от

всякого рода следов, отпечатков события и образов, объективно существующих, но еще не обнаруженных и не установленных в предусмотренной законом форме. Следы и образы совершенного преступления существуют в материальной обстановке преступления и сознании его участников независимо от расследования уголовного дела и сознания осуществляющего его следователя. Говорить о доказательственной информации в этих случаях преждевременно. Без получателя информации, воспринявшего сигналы и осмыслившего их содержание, по существу, как это показано выше, нет и самой информации. Есть лишь следы, изменения материальных систем, объективные причинно-следственные отношения. Условно в этих случаях можно говорить о мертвой информации, которую нужно предварительно обнаружить, актуализировать. В связи с этим нельзя согласиться с Р. С. Белкиным и А. И. Винбергом, утверждающими, что доказательства - это изменения, связанные с расследуемым событием⁴⁵.

Такое определение слишком широко, так как объективно существующие, но не обнаруженные следователем следы не есть доказательства.

Уточнение Р. С. Белкина о том, что под понятием «возникновение доказательств» имеется в виду возникновение будущих доказательств, не является достаточным, так как не все такие будущие доказательства становятся в процессе расследования доказательствами в собственном смысле⁴⁶.

Приведенное выше определение доказательства как изменений, связанных с расследуемым событием, является и слишком узким, так как и отсутствие изменений, «отсутствие следов, вещей и т. д.»⁴⁷ также имеют в ряде случаев весьма существенное доказательственное значение.

Доказательства в строгом процессуальном смысле представляют лишь одну из форм доказательственной информации, которая характеризуется предусмотренными законом свойствами (относимость, допустимость). Такая информация появляется в деле лишь в результате доказывания, точнее той его стадии, которая именуется «сбором доказательств». Между тем, хотя в процессе собирания мы еще не имеем доказательств в собственном смысле, предметом деятельности следователя является именно доказательственная информация. Она исследуется в ходе осмотра, допроса, обыска и других следственных действий, основное содержание которых сводится к получению систематизации и процессуальному оформлению доказательственной информации.

---

⁴⁵ См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969, с. 176.

⁴⁶ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики, т. I. М., 1977, с. 31.

⁴⁷ См.: Медведев С. Л. Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений. Волгоград, 1973, с. 7.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

При этом и теоретически, и практически важно выяснить, как разрешение отдельных задач собирания доказательств влияет на свойства собираемой доказательственной информации. В числе этих задач наиболее существенным являются обнаружение материального источника (носителя) доказательственной информации, выявление содержания фактических данных и их использование для установления существенных обстоятельств дела.

Решение указанных задач составляет отдельные грани, стороны, этапы отражения, познания субъектом доказывания обстоятельств расследуемого события. Вместе с тем они характеризуют новые свойства собираемой доказательственной информации: ее материальный источник, содержание, системность, процессуальную форму. Таким образом, выделение указанных задач и свойств существенно не только в плане теоретического анализа отражательного и познавательного процесса при доказывании, но и в чисто практическом аспекте, позволяющем уяснить цели собирания доказательств и соответствующие им новые качества доказательственной информации.

Итак, в составе доказательственной информации, помимо «доказательств» в собственном смысле, следует различать актуальную, латентную и потенциальную информацию. Доказательства в собственном смысле должны быть не только выделены и процессуально зафиксированы по источнику, но и осмыслены субъектом доказывания и включены в соответствующую доказательственную систему.

Так, в показаниях свидетеля к числу доказательств относится только та информация, которая зафиксирована в протоколе допроса (в соответствующих случаях и на фонограмме) и использована для установления доказательственных и искомых фактов. Сведения, известные свидетелю, но не сообщенные им на допросе или должным образом не зафиксированные, следует считать латентной и потенциальной доказательственной информацией.

При производстве экспертизы почерка в состав доказательства войдет только та часть, содержащаяся в рукописях идентификационных признаков, которая приведена в обоснование экспертного вывода в заключении эксперта и иллюстрирована на фотоснимках. Остальная часть будет латентной или потенциальной информацией.

Следует иметь в виду, что обнаруживаемые и приобщаемые к делу источники доказательств (фотоснимки, вещественные доказательства, слепки, документы) содержат целые пласты латентной и потенциальной доказательственной информации.

Освоение, актуализация латентной и потенциальной информации представляют важный резерв расследования. Повторные допросы и обыски, дополнительные экспертизы, повторные исследования собранных к делу доказательств в новых следственных ситуациях представляют, по-видимому, лишь отдельные формы актуализации латентной и потенциальной доказательственной информации.

Из сказанного следует, что к числу доказательственной следует отнести не только ту информацию, которая составляет содержание «доказательств» в строгом процессуальном смысле, но и любую информацию о расследуемом событии и связанных с ним обстоятельствах, которая используется в процессе доказывания с целью обнаружения, собирания и оценки доказательств в процессе раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных и гражданских дел. Такое широкое понимание доказательственной информации наряду со строго процес-

суальным пониманием доказательств в наибольшей степени соответствует потребностям практики и задачам судопроизводства⁴⁸. Оно позволяет проследить процесс возникновения доказательств, показывает, что «доказательствами» в строгом процессуальном смысле является не любая циркулирующая в процессе доказывания информация, уточняет критерии относимости и допустимости доказательств, обеспечивает возможность формализации и логической обработки доказательственной информации.

Определение доказательственной информации и четкое уяснение ее свойств являются необходимыми условиями правильной трактовки процесса доказывания как познавательного информационного процесса. Этот процесс связан с ростом актуальной доказательственной информации и уменьшением неопределенности (энтропии) расследуемого события. В этом состоит суть информационной трактовки процесса доказывания, основа качественных и количественных критериев оценки доказательственной информации.

§ 4. Факты в процессе доказывания

Поскольку выяснение *фактического* содержания расследуемого события является важнейшей задачей доказывания, понятие факта, фактических данных, естественно, является центральным понятием доказывания, ведущим элементом его структуры. Вместе с тем следует отметить, что содержание и природа этого понятия в достаточной степени еще не выяснены и вызывают противоречивые толкования в юридической литературе. К числу вопросов, ждущих своего решения, относятся соотношение факта и объективного события, подлежащего расследованию, гносеологическая природа факта, проблема исходного знания при доказывании, отношение факта к предмету доказывания, категории фактов, исследуемых в процессе доказывания, и др.

В связи с разработкой проблем логики научного исследования усилился интерес к проблеме факта в философской литературе. При этом факты как элементы знания подразделяются на два исчерпывающих подмножества - научные и ненаучные⁴⁹. Факты, используемые в процессе доказывания, не могут быть в строгом смысле слова причислены к категории научных фактов, под которыми понимаются факты, включенные в состав научной теории и удовлетворяющие ряду других требований. В то же время очевидно, что факты, используемые в процессе

---

⁴⁸ Через содержание доказательств определяют доказательственную информацию Р. С. Белкин, А. И. Винберг. (См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969, с. 173).

⁴⁹ Логика научного исследования. М., 1965, с. 47.

доказывания, по своей «строгости», адекватности во многих отношениях *приближаются к научным фактам* и должны послужить основанием для получения достоверных выводов. Специфика процессуального доказывания как разновидность познания объективной действительности проявляется в специфике фактического материала, на который опирается такое познание. В связи с анализом структуры доказывания представляется необходимым в первую очередь рассмотреть общую гносеологическую характеристику факта.

Научное познание начинается с обнаружения и описания фактов. Обнаруженным фактам дается эмпирическое объяснение, на основе которого формируются гипотетические высказывания, версии, гипотезы. Дальнейшее исследование, связанное с получением нового фактического материала и проверкой гипотез, приводит к постепенной замене случайного закономерным, вероятного фактическим и формированию достоверного знания об изучаемом объекте.

В философской литературе понятию факта дается различное толкование. Одна группа философов и логиков⁵⁰ отождествляет факт с явлением объективной действительности. Другая группа авторов⁵¹ считает факт отражением действительности в сознании познающего субъекта. Третьи говорят об объективных фактах и фактах в познании⁵².

В общем словоупотреблении и безотносительно к задачам познания, очевидно, нельзя возражать против того или иного использования термина «факт». Однако коль скоро ставится задача исследования структуры знания, его элементов, их соотношения с объективной действительностью, следует придерживаться однозначной трактовки.

Если рассматривать факт как основание каких-либо утверждений, а именно это для нас главное в понятии факта, его следует принять как элемент определенной логической системы, как фактическое *знание*. Для того чтобы стать фактом, элементом определенной системы знаний, предметы или явления должны не только существовать объективно, но и быть познаны, адекватно отражены в со-

---

⁵⁰ См.: Кондаков Н. И. Логика. М., 1964, с. 491; Панцова И. Д. Диалектический материализм. М., 1958, с. 245.

⁵¹ См.: Копнин П. В. Гипотеза и познание действительности. Киев, 1962, с. 135-136; Корнеев М. Я. Наука и надстройка. Л., 1958, с. 79.

⁵² См.: Нарский И. С. Современный позитивизм. М., 1961. Одной из основных разноречивых трактовок факта является двойственное этимологическое объяснение термина «факт». Под фактом понимают как явления объективного мира, так и явления сознания. «Мы говорим о фактах сознания наряду с фактами физического мира» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 69. Спб., 1902, с. 244). Аналогичное объяснение термина дается и в толковых словарях (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, с. 531; Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV. М., 1940, с. 1051).

знании человека. «Факты», о которых мы ничего не знаем, не могут рассматриваться как элементы знания, не могут образовать никакой системы знаний.

То же самое следует сказать и относительно фактов, используемых в процессе доказывания.

Чтобы служить доказательством, средством установления объективной истины по делу, предметы или явления должны не только существовать объективно, но и быть познаны лицом, осуществляющим доказывание. Предметы или явления, о которых мы ничего не знаем, именно по этой причине ничего не могут доказать.

Таковыми «фактами» нельзя оперировать в доказывании: сопоставлять и противопоставлять их, накапливать, формировать из них частные и общие системы, строить умозаключения, выводить новые факты и т. д. Такие «факты» не могут поэтому стать средством установления объективной истины в судебном процессе.

В информационном плане факт-образ представляет отраженный субъектом поток информации о свойствах объективных вещей.

Объективная действительность состоит из отдельных предметов, живых существ, отдельных событий и явлений. Соответственно этому и информация о предметах, явлениях и событиях имеет дискретный характер. Если принять за отдельную частицу, «квант» объективного процесса, отдельное явление, то в качестве соответствующего ему кванта информации может быть выделен единичный факт, поток информации, имеющий качественную и количественную стороны.

Понятие факта как дискретной частицы информации является относительным. Нельзя заранее определить, какой объем и какой именно информации содержит факт. Можно лишь утверждать, что единичный факт всегда отражает явление, занимающее определенный пространственно-временной континуум.

В качестве факта при судебном исследовании могут выступать разные по объему и качеству потоки информации. В качестве факта могут выступать и все подлежащее расследованию событие, и отдельные составляющие его элементы с любой необходимой для установления истины степенью детализации (например, факт совершения кражи со взломом, факт обнаружения орудия преступления при обыске, факт обнаружения следа орудия на месте кражи, отдельные признаки этого следа и т. д.).

Объем информации, содержащийся в факте, и ее значение для расследования будут во всех этих случаях различными. Предпосылкой правильного использования информации, содержащейся в факте, является однозначное определение

цели, которой служит информация. Поток информации может использоваться непосредственно для установления предмета доказывания. Так, факт обнаружения похищенных вещей у обыскиваемого может быть фактом, доказывающим совершение кражи данным лицом. Поток информации может использоваться и для разрешения более частных задач, установления отдельных доказательственных фактов: пребывания на месте преступления, высказывания намерения совершить преступление, приобретения орудий и т. п.

Исходный круг фактов, используемых в судебном процессе, устанавливается в результате непосредственного восприятия. Таковы данные, получаемые в результате осмотра, освидетельствования, обыска, экспертизы и других следственных действий. Это признаки и свойства конкретных лиц, вещей, данные об их размещении в пространстве, временной последовательности, взаимодействии и т. д. Примером могут служить зафиксированные в протоколе осмотра признаки орудия и данные, указывающие на его применение в процессе взлома, например частички древесины и краски на рабочей поверхности орудия.

Однако круг фактов, используемых в судебном процессе, не ограничен эмпирическими данными, наличие которых можно проверить путем непосредственного чувственного наблюдения. В качестве фактов при судебном исследовании могут использоваться и понятия, и суждения, и вообще любая совокупность сообщений о расследуемом событии. Примерами такого рода может служить факт установления личности потерпевшего в результате осмотра неопознанного трупа; факт обнаружения недостачи при проведении ревизии у материально-ответственного лица; факт установления причины смерти в результате судебно-медицинского и судебно-химического исследования трупа, например факт отравления метиловым спиртом; факт пребывания подозреваемого на месте преступления, установленный путем осмотра места происшествия, задержанного и допроса очевидцев и т. д.

Поток информации в этих случаях не может быть сведен к данным непосредственного наблюдения. Он включает в себя результаты оценочной деятельности лиц, участвующих в расследовании, которая основана на переработке первичной информации, полученной путем непосредственного восприятия.

Факты, полученные в результате такой переработки, в свою очередь подвергаются исследованию, оценке, логической обработке с целью получения новых фактов, находящихся в более тесной связи с предметом доказывания.

Рассматриваемый процесс осуществляется до тех пор, пока не будет достоверно установлено подлежащее расследованию событие.

Из сказанного видно, что факты, используемые в процессе судебного исследования, не имеют стационарной логической формы. Они могут распознаваться только по функции как основы более общих в пределах данной системы логических построений. «Фактичность» приписывается конкретному знанию не его логической природой, а той теоретико-познавательной функцией, которую оно имеет в пределах данной системы»⁵³.

В основе знания лежит чувственное восприятие мира. Оно отражает реальный мир в богатом разнообразии единичных явлений со всеми их существенными и несущественными признаками. Эмпиричность восприятия, его неразрывная связь с конкретной ситуацией, в которой она совершается, сообщает соответствующие свойства фактам, составляющим содержание восприятия.

Однако наряду с единичностью, конкретностью факт содержит элементы общего, тенденцию к абстрагированию.

Общее в единичном факте проявляется уже в целенаправленности его получения. Если бы факты представляли только сплошное непроанализированное отображение (отпечаток) действительности, они не могли бы стать элементами организованного в систему знания. В действительности уже сам отбор, получение фактов неизбежно подчинены определенной идее в виде хотя бы общей задачи данного познавательного процесса. Эта идея, общая задача отбора фактов, содержит тенденцию к обобщению фактов, прослеживанию их взаимосвязи, построению системно-организованного знания.

В процессе доказывания такой общей идеей является *относимость* фактов к делу. Любой факт, любой поток информации о действительности рассматривается и оценивается в ходе доказывания в первую очередь с точки зрения их относимости. Относимость как та или иная форма связи отображаемого фактом явления с расследуемым событием представляет собой важнейшее специфическое свойство фактов, используемых в доказывании.

Тенденция к абстрагированию выражена также в словесном оформлении факта, что чрезвычайно важно учитывать в ходе протокольной фиксации. Слово и выражаемое им понятие прибавляют к чувственным данным дополнительное содержание, которое не дано в непосредственном восприятии и является абстракцией.

Наблюдая при осмотрах и освидетельствованиях в случаях телесных по-

---

⁵³ Логика научного исследования. М., 1965, с. 47. Из этого следует, что правильная оценка факта в процессе доказывания возможна только в рамках определенной фактической (доказательственной) системы (о понятии и структуре информационных криминалистических систем, см. § 5 настоящей работы).

вреждений на теле и одежде потерпевшего жидкость красного цвета, мы выражаем наблюдаемый факт словом «кровь». Очевидно, что в этом случае к данным чувственного восприятия (цвет, консистенция) присоединяются данные прошлого опыта, результаты сопоставления чувственно-наблюдаемых фактов, умозакрывающая деятельность и т. д. Еще И. М. Сеченов отмечал, что «даже в сфере предметного мышления взрослый далеко заходит за границы чувственного»⁵⁴. В действительности единичные явления не существуют изолированно, вне связи с другими. Поэтому уже в зрительных восприятиях содержатся непосредственные, «неосознанные умозаклучения»⁵⁵.

Физиологической основой соединения фактов и абстракцией является так называемое «вторичное возбуждение»⁵⁶. Последнее состоит в установлении связей между содержанием слова и воспринимаемым явлением. Единый комплексный раздражитель образуется в этом случае чувственным образом предмета и абстрактно выраженным содержанием слова как элемента языкового кода. Само слово при этом маскируется, выступая только формой передачи информации. «Восприятие, - отмечает С. Л. Рубинштейн, - в результате взаимодействия первой и второй сигнальных систем вбирает в себя содержание слова, сбрасывая форму и функцию слова как особого языкового образования»⁵⁷.

Фиксация и процессуальное оформление фактов в словесной форме протоколов следственных и судебных действий вновь ставят проблему соотношения общего и единичного, слова и воспринимаемого явления.

Образ как субъективная форма факта является, таким образом, одновременно и эмпирической, и теоретической. Развитие противоположностей, заложенных в факте, приводит к их обобщению, генерализации. В процессе обобщения существенное отделяется от случайного, прослеживаются необходимые связи фактов, осуществляются систематизация фактов, целостное отражение присущих действительности закономерных связей.

Со свойством единичности факта связано свойство его статичности.

Единичный факт отражает явление только в одном его состоянии, в одном значении. Объективно существующие предметы и явления отражаются в единичном факте одномоментно, в каком-либо одном аспекте. Единичный факт не передает динамики процесса развития отображаемого явления. Раскрытие динамики,

---

⁵⁴ Сеченов И. М. Избранные произведения, т. 1, 1962, с. 274.

⁵⁵ См.: Гельмгольц Г. Факты в восприятии. Спб., 1880, с. 14-15.

⁵⁶ См.: Воронин Л. Г. Анализ и синтез комплексных раздражителей нормальными и поврежденными полушариями головного мозга собаки. М., 1948.

⁵⁷ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 88.

закономерностей развития предполагает анализ не единичных фактов, а их совокупностей, требует перехода от эмпирических наблюдений к анализу фактов с целью выявления существенных, определяющих связей между явлениями.

Переход от статического образа-факта к динамической модели расследуемого события требует выделения в материальной обстановке преступления следов, отпечатков структур, соответствующих разномоментным состояниям расследуемого события и отображающих его хронологию, динамику развертывания во времени.

Выделение таких структур, прослеживание их связи и хронологической последовательности и являются методом исследования динамики расследуемого события⁵⁸.

Так, при осмотре обстановка места происшествия вначале фиксируется в том виде, как она была обнаружена следователем. Затем выявляются те изменения, которые произведены на месте преступления лицами, первыми обнаружившими факт преступления (родственниками потерпевшего, случайными прохожими и т. д.). С учетом этих изменений осуществляется реконструкция (мысленная или физическая) обстановки места преступления, отображающей конечный момент преступления, его результат (за вычетом всякого рода посторонних влияний). С этой «конечной» структурой сопоставляется «исходная» структура материальной обстановки до совершения преступления, выявляемая допросом потерпевших, ознакомлением с состоянием предметов, их изменениями. В зависимости от обстоятельств сопоставляется большая или меньшая серия промежуточных структур, устанавливаемых изучением механизма образования следов, их связей и последовательности во времени.

Хронологическая последовательность фактов и образует динамическую модель расследуемого события.

Важнейшим для судебного исследования свойством факта является его *изоморфизм*.

Отношение изоморфизма, как это было рассмотрено выше, является наиболее универсальным отражением взаимодействия материальных систем. Любое свойство объекта, находящегося во взаимодействии с другими объектами, может получить изоморфное отображение в этих объектах. Последнее же в силу взаимного однозначного соответствия с объектом может послужить основой для выяв-

---

⁵⁸ В этом качестве рассматривает сопоставление структур материальной обстановки Ю. И. Ильченко (см.: Ильченко Ю. И. Тактические приемы исследования материальной обстановки места происшествия. Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 8-9).

ления собственных свойств объекта. Отношение изоморфизма объекта и отображения является, таким образом, основой правильного, адекватного познания действительности.

Содержание факта целиком и полностью зависит только от отражаемого объекта, но не от формы, в которую воплощен факт: восприятие, понятие, суждение и т. д. Содержание факта не зависит ни от способа, которым он добывается, ни от отношения воспринимающего субъекта к отражаемому факту. На протяжении всех логических операций, в которых используется факт, он сохраняет свой изоморфизм объекту.

Описанное свойство факта получило название *инвариантности*.

Психический образ может иметь любую эмоциональную окраску, любое субъективное содержание. Могут быть психические образы, неправильно, ложно, искаженно отражающие действительность и совершенно лишённые фактического содержания. Примером могут служить различные мистические и религиозные представления людей, различные фантазии и вымыслы. Поскольку такие представления не соответствуют действительности и лишены основного свойства факта - изоморфизма, нельзя говорить об их фактическом содержании, о фактическом знании.

Как отражение действительности психический образ всегда имеет определенное фактическое содержание. Последнее изоморфно объекту, целиком и полностью определяется свойствами объекта. В факте нет ничего, что было бы от субъекта. С. Л. Рубинштейн по этому поводу пишет: «В качестве выразителя основного требования - независимости объекта познания от способа, которым он определяется, в методологии научного познания выступает критерий инвариантности всех определений объективной действительности по отношению к наблюдателю, к его субъективной «перспективе» и способу, которым он пользуется в познании объективной реальности. Этот критерий красной нитью проходит через все познание - от самых элементарных до самых высших его форм...»⁵⁹.

Положение об инвариантности факта имеет принципиальное значение для судебного исследования. Необходимым условием использования фактов в судебном процессе является выяснение их объективного содержания, изоморфизма факта объекту.

Показания свидетеля-очевидца имеют значение доказательств лишь постольку, поскольку они объективно отражают наблюдавшееся им явление. Всякого рода субъективные наслоения в показаниях, вызванные чувством страха,

---

⁵⁹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 125-126.

вражды к обвиняемому, нежеланием участвовать в деле и т. д., могут быть отражением иных явлений, они должны быть отделены от фактического содержания расследуемого события.

Аналогично производится оценка заключений экспертов. Здесь также необходимо разграничивать фактическое содержание заключения и его субъективную форму. Истинное содержание фактов не зависит также от сознания субъекта доказывания. Так, показания обвиняемого следователь согласно ст. 151 УПК РСФСР заносит в протокол «в первом лице и по возможности дословно».

Объективное содержание образа, освобожденное от субъективных наслоений, вызванных состоянием субъекта доказывания и условиями восприятия, является его фактическим содержанием, фактическими данными.

Именно такое содержание вкладывает законодатель в термин «фактические данные», определяя судебные доказательства (ст. 69 УПК РСФСР).

Принцип инвариантности сохраняется и при оперировании доказательственными фактами. Одни и те же факты могут быть включены в различные системы знания, получить различные объяснения. В процессе доказывания один и тот же факт, например факт пребывания лица в определенное время в данном месте, может использоваться и для доказательства виновности в обвинительном заключении, и для ее опровержения в речи адвоката. В зависимости от системы, в которую включен факт, его функция, логическая нагрузка и объем несомой информации могут различаться. Он может служить аргументом, иллюстрацией, итоговым результатом рассуждений и т. д. Однако вне зависимости от способа получения, функции и системы, в которую он включен, факт сохраняет определенное устойчивое содержание, которое именуется «инвариантным фактором»⁶⁰.

Выделение и использование инвариантного содержания фактов являются одной из важных задач судебного доказывания, показателем его объективности и условием достижения достоверного знания. В конечном счете истинное и достоверное познание события преступления может быть осуществлено только на основе объективных, лишенных субъективных наслоений, инвариантных фактов.

Судебный приговор по делу должен быть основан на объективно установленных фактах. Назначение установленной по делу совокупности фактов - служить объективным основанием судебного решения. Проверка фактической обоснованности приговора в стадии кассационного и надзорного судопроизводства

---

⁶⁰ Логика научного исследования. М., 1965, с. 55. Хорошей иллюстрацией принципа инвариантности является разграничение понятий признака и свойства в теории криминалистической идентификации. Характерной чертой признаков является их вариантность, обусловленная условиями их отражения и восприятия. Свойство как «устойчивое наличие вещи» представляет инвариантное содержание отражаемой признаками информации.

(ст. 332, 342, 343, 344 УПК РСФСР) и есть проверка достаточности и инвариантности фактов, на которых основано решение суда.

Итак, наиболее существенными свойствами фактов, используемых в процессе доказывания, являются их адекватность (изоморфизм) и инвариантность. Именно эти свойства фактов позволяют использовать их как средство установления объективной истины и обоснования приговора суда.

Перейдем к сопоставлению структуры познавательного процесса со структурой доказывания и выделению на этой основе элементов процессуального доказывания.

§ 5. Элементы процессуального доказывания и информационные системы

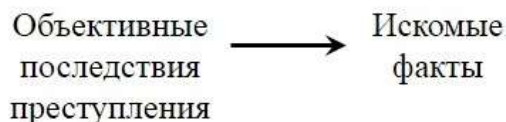
Выделенные в результате научного анализа элементы процессуального доказывания должны отражать специфику судебного исследования, динамику его развертывания во времени, движение от незнания к достижению объективной истины в ходе уголовного судопроизводства.

В первую очередь в составе процесса доказывания должны быть выделены объективные и субъективные элементы, соответствующие процессам объективного и субъективного отражения.

Процесс объективного отражения, составляющий предмет судебного исследования и образующий объективно существующую причинно-следственную цепь, складывается из двух основных элементов:

Выделение существенных в правовом отношении обстоятельств преступления по его следам на материальных предметах и в сознании людей составляет главное содержание процесса доказывания. Последний как процесс идеального отражения действительности в сознании субъекта доказывания складывается из двух основных звеньев:

Объективные последствия преступления отражают обстоятельства расследуемого события, представляют преобразованную «кодированную» в следах и

сознании людей информацию о расследуемом событии. Искомые факты - это отраженные сознанием следователя и судьи обстоятельства расследуемого события, логическая модель преступления, его мысленный образ, воспроизводящий существенные в правовом отношении обстоятельства - элементы преступления.

Исследование объективных последствий преступления, извлечение информации о событии, содержащейся в предметах и сознании людей, требуют более детального анализа информационного процесса, в структуре которого должны быть выделены:

- материальные объекты - носители отображений расследуемого события;
- объективные отображения как сигналы информации о расследуемом событии;
- исследователь;
- фактические данные как психические отображения, образы в сознании исследователя изучаемых им объектов.

Материальные объекты, содержащие изменения, вызванные событием преступления, и сами эти изменения, отображающие обстоятельства, условия преступления, являются материальной основой процессуального доказывания. Если нет материальных объектов и процесса взаимодействия, в ходе которого один из объектов отобразил себя в другом, нет носителей сведений о преступном деянии, невозможно и само познание преступления - доказывание. Материальные носители сведений о событии преступления - живые лица и вещи - существуют объективно, независимо от сознания субъекта доказывания. Чтобы начать доказывание, необходимо обнаружить материальные источники сведений, выделить их в числе других как единичные индивидуально определенные объекты и в соответствии с законом включить в сферу доказывания.

В сфере доказывания понятию материального объекта - носителя отображения - соответствует понятие *источника судебного доказательства*.

Функция источника осуществляется лишь постольку, поскольку данный материальный объект является носителем отображения, т. е. таких изменений носителя отображения, которые в преобразованной форме воспроизводят особенности отображаемого предмета или явления⁶¹.

В качестве объективных отображений в процессе доказывания выступают наличие или отсутствие предметов, их состояния, материальные следы на предметах, а также психические образы, представления, сохранившиеся в сознании

---

⁶¹ См.: Кремянский В. И. Типы отражения как свойства материи. - Вопросы философии, 1963, № 8, с. 133.

живых лиц. Понятие отображения как изменения в преобразованной форме воспроизводящего особенности отображаемого явления⁶² совпадает с понятием сигнала информации о расследуемом событии.

Нетрудно убедиться, что процесс обнаружения и собирания доказательств сводится к получению информации о расследуемом событии в ходе следственных и судебных действий. При этом выделение материального объекта - носителя отображения и сигналов информации в нем - является обязательным условием получения самой информации, сведений, формирования представлений о расследуемом событии в сознании исследователя. Сказанное относится как к случаю исследования материальных объектов-вещественных доказательств и документов, так и к допросам живых лиц - обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, свидетелей. Различаются лишь формы объективного отображения содержащейся в этих объектах информации: в виде материальных признаков вещей, знаков документов или устных сообщений живых лиц.

Формы объективного отображения информации обуславливают методики, а также процессуальные формы ее получения и исследования. В связи с этим большое теоретическое и практическое значение приобретает классификация доказательств по форме объективного отображения информации.

Из сказанного видно, что понятия отображения и сигнала информации представляют существенные элементы познавательного процесса при доказывании. Этим элементом, очевидно, должен соответствовать определенный элемент процессуального доказывания, охватывающий понятия материальных следов, знаков документов, психические образы живых лиц, представляющих отображения расследуемого события, сигналы информации о нем. Наиболее подходящим термином для обозначения указанного элемента процесса доказывания являются, по нашему мнению, объективные средства доказывания⁶³.

Понятия источника и средств доказывания нередко отождествляются в юридической литературе⁶⁴.

---

⁶² См.: Украинцев Б. С. Информация и отражение. - Вопросы философии, 1963, № 2, с. 27.

⁶³ Понятие «средств доказывания» в указанном смысле, отграничивая его также от понятия источника и доказательственного факта, используется в работах: Юдельсон К. С. Судебные доказательства в гражданском процессе. М., 1956, с. 20- 21; Арсеньев В. Д. Вопросы теории вещественных доказательств в советском уголовном процессе. Труды Иркутского гос. ун-та, т. XXII, вып. 3. Иркутск, 1957, с. 88, 89; и др. Термин «средства доказывания» используется в ст. 17 «Основ гражданского судопроизводства», 1961.

⁶⁴ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1959, с. 162; Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. - В кн.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве СССР. М., 1959, с. 144; Миньковский Г. М. Комментарии к ст. 69 «Научно-практический комментарий к УПК РСФСР». М., 1963, с. 162. Наиболее широко трактует понятие «средств доказывания» Ф. Н. Фаткуллин, относя к ним, по существу, все элементы процесса доказывания, способствующие установлению предмета доказывания (см.: Фаткуллин Ф. Н.

Такое отождествление не способствует, по нашему мнению, правильному пониманию познавательной сущности и значения рассматриваемых элементов процессуального доказывания.

Выше указывалось, что рассматриваемые элементы доказывания отражают самостоятельные элементы информационно-отражательного процесса, обусловлены ими.

Добавим к этому, что понятие источника и средства доказывания вместе с тем отражает самостоятельные задачи доказывания.

Выделение, индивидуализация материального объекта как носителя доказательственной информации, составляет логическую предпосылку для его дальнейшего исследования и вместе с тем элемент процессуальной формы источника судебного доказательства (все источники по закону должны быть индивидуализированы как единичные материальные объекты).

Однако обнаружение материальных объектов еще не предрешает обнаружения информации о расследуемом событии. Следы, имеющиеся на осматриваемом предмете, могут быть не обнаружены в процессе осмотра. Обвиняемый может отказаться от дачи показаний, эксперт может не дать ответа на поставленные вопросы.

Для выявления информации, сведений о расследуемом событии необходимо не только обнаружить единичные материальные объекты, но и выявить имеющиеся на них отображения, сигналы информации: материальные следы, знаки документов, показания живых лиц и т. д. Без разрешения этой задачи процесс дальнейшего доказывания оказывается невозможным.

Есть основания, таким образом, говорить о самостоятельном значении и определенной логической последовательности разрешения рассматриваемых задач доказывания.

В структуре процессуального доказывания указанным задачам (и в известном смысле стадиям) доказывания должны соответствовать самостоятельные элементы. В качестве таких элементов и выделяются источники и средства доказывания.

Материальные объекты и вызванные расследуемым событием изменения в них существуют вне и независимо от сознания субъекта доказывания и представляют поэтому объективную, материальную основу доказывания. Задача доказывания как идеального отражения действительности состоит в выявлении, отобра-

---

Указ. соч., с. 86-144).

жении, прочтении, «дешифровке» той информации, которая содержится в источниках. Материальные объекты и средства доказывания, предусмотренные законом, представляют единственные источники информации, сведений о расследуемом событии, которые могут использоваться при доказывании (ч. II ст. 69 УПК РСФСР). Все остальные элементы процессуального доказывания - субъективное отражение действительности в сознании исследователя. Любые фактические данные отражают или непосредственно воспринимаемые следователем и судьей объекты, следы, признаки, или мысленно реконструированные элементы расследуемого события. Во всяком случае, это психические отображения, образы в сознании субъекта доказывания.

Особенностью психического отражения действительности в сознании человека является его осознанный характер. Человек отражает не только объективные свойства вещей и явлений, но осмысливает, осознает *сам процесс отражения*. Из раздражений органов чувств как суммарного продукта взаимодействия человека и среды выделяется то, что характеризует *объект*, и исключается то, что свойственно самому субъекту как носителю отображения. Выделенное таким образом содержание субъективного отражения представляет образ как модель отображенной сознанием человека действительности⁶⁵.

Понятие образа как адекватного психического отражения действительности соответствует понятию *факта*⁶⁶. Понятию образа и факта как элементам фактического знания соответствует ряд элементов процессуального доказывания. В зависимости от близости к материальному источнику и степени проникновения в сущность изучаемого явления выделяют фактические данные (доказательства), доказательственные факты, искомые факты, главный факт и предмет доказывания.

Основная проблема доказывания, как и любого познания действительности, - это проблема соответствия образа действительности, идеального отражения реально существующим предметам и событиям. Эта проблема обоснованно рассматривается многими авторами как «едва ли не самая сложная проблема уголовного процесса в целом и доказательственного права в частности и особенно»⁶⁷. В связи с этим разграничение объективных и субъективных элементов доказывания должно рассматриваться как методологическая предпосылка анализа процесса доказывания. При отсутствии такого разграничения беспредметна сама постановка вопроса об адекватности психических образов действительности, о

---

⁶⁵ См.: Т ю х т и н В. С. О природе образа. М., 1967, с. 111-112.

⁶⁶ Логика научного исследования. М., 1965, с. 46 и след.

⁶⁷ С т р о г о в и ч М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.-Л., 1947, с. 103.

соответствии субъективного объективному. Если же вопрос о соответствии образа объекту остается открытым, доказательство истинности любого утверждения оказывается невозможным.

В этом случае невозможен и практический анализ взаимно однозначного соответствия (изоморфизма) элементов образа и отображаемого им объекта.

Отсутствие четкого разграничения объективных и субъективных элементов в процессе доказывания затрудняет анализ доказывания именно как процесса отражения объективных явлений в сознании, процесса преобразования объективного в субъективное, идеальное.

Поскольку разграничение объективных и субъективных элементов в процессе доказывания имеет очевидное методологическое значение, следует остановиться на некоторых взглядах, противоречащих такому разделению.

В первую очередь следует указать на защищавшуюся отдельными учеными концепцию доказательства не как адекватного действительности психического образа, а как объективно существующего предмета, явления, события⁶⁸.

Такая постановка вопроса вообще снимает проблему психического отражения, установления фактов в судебном процессе. Если доказательства - это сами объективные явления, события, то излишне ставить вопрос об их соответствии действительности, правильности их установления, оценке и вообще об объективном и субъективном в доказывании. В юридической литературе уже указывалось на несостоятельность подобной трактовки доказательств⁶⁹. Процесс доказывания как познание есть процесс идеального отражения действительности. В ходе этого процесса нельзя «оперировать» действительными событиями, явлениями, лицами, особенно если эти события, как в случае доказывания, относятся к прошлому. Можно как доказательствами пользоваться лишь идеальными отражениями этих объективных событий, явлений, предметов, т. е. психическими образами, логическими реконструкциями.

Более подробно следует остановиться на так называемом «едином понятии» судебного доказательства.

Сторонники такой трактовки доказательства считают, что источник доказательства и установленные путем его исследования фактические данные нельзя рассматривать как самостоятельные элементы процессуального доказывания.

---

⁶⁸ См.: Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, с. 223; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951, с. 135-138. В настоящее время этой концепции близка отмеченная выше юридическая интерпретация факта как явления объективной действительности.

⁶⁹ См.: Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе. - Советское государство и право, 1964, № 9, с. 112; и др.

«Фактические данные и их источники, - пишет В. Я. Дорохов, - объединены в одном понятии доказательства... Источник и фактические данные, взятые сами по себе, в отрыве друг от друга, не образуют судебного доказательства»⁷⁰.

Нельзя отрицать логическую и процессуальную связь источников и полученных путем их изучения фактических данных.

Говоря об источниках, имеют в виду материальные объекты-носители информации, которые, будучи восприняты следователем и судьей и должным образом процессуально закреплены, образуют фактические данные - доказательства.

С другой стороны, доказательствами в процессуальном смысле считаются лишь те фактические данные, которые получены из предусмотренных законом источников.

Указывая на связь источников и фактических данных, ряд процессуалистов обоснованно усматривают в этой связи *элементы формы и содержания*⁷¹.

В любом информационном процессе может быть выделена его формальная сторона - материальный процесс, играющий роль сигнала - носителя информации, и содержательная сторона - смысл, количество и качество передаваемой информации.

В процессе доказывания хранение и передача информации осуществляются посредством источников доказательств, где она фиксируется в форме материальных свойств, психических отображений или знаков.

Наряду с материальной в доказывании выделяют также процессуальную форму, под которой понимают правовое регулирование процесса доказывания.

«Форма доказательств,- отмечает В. Д. Арсеньев,- придает им правовой характер и делает их органической составной частью всей правовой деятельности судебно-следственных органов»⁷².

Связь источников и фактических данных в процессе доказывания, таким образом, бесспорна. Она может рассматриваться как связь информационная, связь формы и содержания, связь отображаемого и отображения и т. д.

---

⁷⁰ Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе. - Советское государство и право, 1964, № 9, с. 110; Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 197. Аналогично рассматривают понятие доказательства А. И. Винберг, Г. И. Кочаров, Г. М. Миньковский (Винберг А. И., Кочаров Г. И., Миньковский Г. М. Актуальные вопросы теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. - Социалистическая законность, 1963, № 3, с. 23); и др.

⁷¹ См.: Клейнман А. Ф. Некоторые теоретические вопросы о доказывании и доказательствах в советском гражданском процессе. Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право, 1966, № 3, с. 46-47; Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 85, 102 и др.; Курьлев С. В. Сущность судебных доказательств. - Труды Иркутского гос. ун-та, т. XVII, вып. 2. Иркутск, 1956, с. 67-73.

⁷² Арсеньев В. Д. Указ. соч., с. 107.

Означают ли, однако, различные аспекты такой связи, что в процессе доказывания источники и фактические данные должны рассматриваться как один структурный элемент. Такой вывод с позиций структурных представлений о процессе доказывания представляется неосновательным.

Связь источников и фактических данных следует рассматривать как связь самостоятельных процессуально-логических средств внутри единого процесса доказывания.

Связь различных элементов структуры предполагает также их разграничение, без чего была бы невозможна сама связь. Наряду со связью следует учитывать также относительную самостоятельность различных процессуально-логических средств.

Утверждение о «единстве» источников и фактических данных противоречит относительно самостоятельному оперированию источниками и доказательственными фактами.

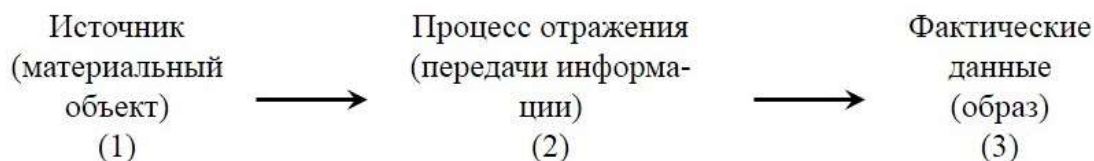
Так, при розыске источников, их обнаружении, индивидуализации, изъятии и т. д., естественно, нельзя говорить о единстве источников и фактических данных, ибо сами эти фактические данные еще не установлены. Между тем источники как носители информации о расследуемом событии, несомненно, уже имеются и выступают как самостоятельные процессуально-логические средства. Источники в процессуальном смысле остаются и тогда, когда в результате их исследования не установлены имеющие значение для дела фактические данные. Например, обвиняемый отказался от дачи показаний, свидетель, будучи допрошен, не дал показаний по существу дела; эксперт в результате исследования пришел к выводу о невозможности разрешения поставленного вопроса и т. д. Относительная самостоятельность понятия источника отражает, таким образом, те реально существующие стадии работы с доказательствами, *когда есть материальный носитель ожидаемой информации, но нет самой информации.*

Обнаружение источников в процессуальном отношении, таким образом, отнюдь не равноценно обнаружению доказательств, на основе которых может быть разрешено дело. Если источники не содержат необходимой доказательственной информации, они не могут быть использованы для обоснования приговора суда⁷³.

Связь источника и фактических данных реализуется в процессе отражения фактических данных субъектом доказывания.

---

⁷³ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1951, № 1, с. 13-15.

При отсутствии второго элемента (процесса отражения), как это имеет место в приведенных выше случаях, отсутствует и третий элемент (фактические данные), в то время как первый элемент (источник) может быть в деле.

С другой стороны, в одном источнике, например в показаниях обвиняемого, могут содержаться сведения о различных доказательственных и искомых фактах. В этом случае, как это правильно отмечает А. А. Хмыров⁷⁴, в одном источнике содержатся различные фактические данные, различные доказательства. Возможна и обратная ситуация, когда различные источники содержат одну информацию, например показания различных свидетелей об одном и том же факте. В указанном случае доказательства, конечно, имеются, но нет «единства» источников и фактических данных, которое, таким образом, не является существенным признаком доказательств.

В процессе доказывания имеет место, таким образом, не «единство» источников и фактических данных, а *информационная связь* относительно самостоятельных элементов процесса доказывания. При этом следует иметь в виду, что речь идет о связи объективного и субъективного, разграничение которых является принципом доказывания и условием исследования их адекватности.

Соотношение и взаимосвязь источников и фактических данных существенно различаются в следующих стадиях и типовых ситуациях доказывания:

- в стадии поиска, обнаружения и исследования источника, когда фактические данные существуют как возможные, но в действительности могут быть не обнаружены или будут обнаружены другие фактические данные;

- в стадии логического доказывания, когда оперируют уже установленными доказательственными фактами, безотносительно к источникам, посредством которых они установлены. Так, исследование связи таких фактов, как пребывание обвиняемого на месте кражи, разрушение запоров двери и внутреннего хранилища, отсутствие сохраняемых материальных ценностей, обнаружение их в жилище обвиняемого и других, дают основание для вывода о главном факте. При этом субъект доказывания исследует структуру расследуемого события, отвлекаясь от способа установления исходных фактов, достоверность которых обеспечивается на предшествующих стадиях доказывания;

⁷⁴ См.: Хмыров А. А. Косвенные доказательства. М., 1979.

- в стадии проверки доказательств и когда предметом исследования является именно информационная связь фактических данных и источника, установление, что имеющиеся фактические данные получены из определенного источника. Так, при наличии противоречий в показаниях одного и того же лица производится анализ и сопоставление этих показаний, выясняются и оцениваются причины этих противоречий, проводятся дополнительные допросы и другие следственные действия; при наличии сомнений в полноте или правдивости показаний обвиняемого проводится их проверка на месте; содержание мысленного образа в сознании допрашиваемого и ранее описанные им признаки объекта сопоставляются с реальным объектом в процессе предъявления для опознания и т. д. Во всех этих и подобных ситуациях для доказывания существенна информационная связь источника и фактических данных, установление конкретной информации, содержащейся в каждом источнике, с тем, чтобы ее можно было сопоставить с другими источниками, определить ее место в соответствующей информационной системе. С этой целью в протоколе следственного или судебного действия указывается, какие именно фактические данные получены путем исследования данного источника, и производится индивидуализация самого источника.

В важнейших процессуальных актах, например обвинительном заключении, тезисы обвинения обосновываются ссылками на конкретные источники доказательств.

Таким образом, о единстве источников и фактических данных можно в известном смысле говорить только применительно к определенной стадии и задаче доказывания, которая состоит в проверке конкретного источника и сведении установленных искомых фактов к конкретным индивидуально определенным источникам - материальным носителям информации. Выявление диалектического единства формы и содержания судебного доказательства, если его не представлять как мертвую схему, предполагает исследование информационной связи источника и фактических данных на различных стадиях процесса доказывания, соотношения и динамики функций указанных структурных элементов доказывания на этих стадиях, но отнюдь не сводится к элементарному требованию о том, что любые используемые по делу фактические данные должны быть получены из предусмотренных законом источников.

Единство различных элементов процессуального доказывания - это единство целостного процесса доказывания. Представляются теоретически несостоятельными и практически бесплодными поиски какого-то другого единства, помимо единства элементов целостного процесса доказывания.

В процессуальной литературе тенденция к объединению различных элементов доказывания относится не только к источникам и фактическим данным. Отдельные исследователи объединяют источники и доказательственные факты или доказательства и доказательственные факты.

«Доказательственные факты,--пишет А. И. Трусов, - есть важнейший, решающий элемент каждого судебного доказательства»⁷⁵.

«Доказательственный факт, - отмечает Л. Т. Ульянова, - есть в любом доказательстве. Отсутствие доказательственного факта в источнике сведений о нем... означает отсутствие доказательства в деле»⁷⁶.

Сфера «единства», таким образом, расширяется. Она охватывает уже не только источники и фактические данные, но и доказательственные факты.

Еще дальше идут в расширении такого единства авторы, включающие доказательственные факты в предмет доказывания.

К числу таких авторов относятся М. С. Строгович⁷⁷ и Г. М. Миньковский⁷⁸.

Доказательство - это только один элемент процессуального доказывания, одна из ступенек познания истины. Не видеть других элементов, не замечать различия между ними - значит не видеть движения познания от материальных источников к предмету познания, не замечать различных уровней такого познания. И наоборот, выделение разнокачественных по природе и функции элементов доказывания, исследование его структуры есть первый шаг в исследовании процесса познания при доказывании. Первый и необходимый.

Для того чтобы осуществлять доказывание, необходимо отделить доказательства (аргументы) от доказываемого положения (тезиса).

Для того чтобы с помощью доказательств (сведений) можно было установить доказательственные факты, их нужно отграничить друг от друга как основания от тезиса. Для того чтобы с помощью доказательственных фактов можно было установить предмет доказывания, их также нужно строго логически, структурно отграничить друг от друга.

Как доказывание, так и последующий анализ познавательного процесса требуют безусловного разграничения предмета и средств доказывания⁷⁹.

---

⁷⁵ Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1950, с. 48.

⁷⁶ Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, с. 16. Доказательственные факты включаются в понятие доказательства М. С. Строговичем (Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 240).

⁷⁷ «Помимо главного факта, - пишет М. С. Строгович, - в предмет доказывания входят *доказательственные факты*, т. е. те факты, которые не имеют уголовно-правового значения, но которые служат основанием для установления главного факта» (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, с. 196).

⁷⁸ См.: Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 4, 20.

⁷⁹ Правильно отмечает по этому поводу: А. Ф. Клейман: «Факт, подлежащий доказыванию, и средство

Как только встает проблема правильности, адекватности полученных фактических данных, доказательства их соответствия действительности (а это главное в доказывании), на первый план выдвигаются разнокачественность элементов отражательного процесса, необходимость разграничения объективного и субъективного, реального и идеального.

Предмет реальной действительности (объект познания) независим от его образа, так же как и истинное содержание образа не зависит от субъекта. В гносеологическом аспекте различие психического и физического образа и предмета, сознания и материи носит абсолютный характер. Это принципиальное положение марксистской гносеологии должно быть положено в основу структурного анализа элементов познавательного процесса в доказывании.

Принципиальным для структуры судебного доказывания является *разграничение непосредственно воспринимаемых и выводных фактов*.

Проблема непосредственного и выводного знания в судебном исследовании связана с рядом важных теоретических и практических проблем доказывания. В их числе проблема исходного фактического знания, понятие судебного доказательства, проблема пределов доказывания, истинности и обоснованности конечных выводов.

При анализе вопросов, связанных с проблемой непосредственного и опосредствованного познания, следует учитывать оба звена исследуемой причинно-следственной цепи:

Определяя понятие и возможности непосредственного исследования, нередко исходят из того, что предметом исследования является событие преступления как причина определенных изменений окружающей обстановки. Иначе говоря, имеется в виду начальное звено причинно-следственной цепи. При этом судебное исследование характеризуется в целом как опосредствованное. Событие преступления как причина вызванных им изменений в окружающей среде действительно относится к прошлому и недоступно для непосредственного восприятия со стороны следователя и судьи. Поэтому познание первого звена причинно-следственной цепи - события преступления - может быть только опосредствован-

---

его доказывания - суть различные понятия, вследствие чего первый не может быть элементом второго» (Клейман А. Ф. Некоторые теоретические вопросы о доказывании и доказательствах в советском гражданском процессе. - Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право, 1966, № 3, с. 39).

ным. Вместе с тем при доказывании исследуются не только причины, но и последствия преступления. Без изучения последствий не может быть установлена сама причинная связь, составляющая важнейший элемент состава преступления.

Понятие события преступления в смысле материально-правового состава охватывает и причины, и последствия, и существующую между ними причинную связь. В процессуальном, познавательном плане исходным звеном причинно-следственной цепи, изучаемой при расследовании преступления, являются именно объективные последствия преступления, вызванные им изменения в окружающей обстановке.

Переход к установлению причин при судебном доказывании возможен только после изучения вызванных ими последствий. Рассматривая проблему непосредственности с этих позиций, следует прийти к выводу не только о принципиальной возможности, но и принципиальной необходимости непосредственного исследования. Этот вывод полностью согласуется с действующим в советском уголовном процессе принципом непосредственности.

Статья 240 УПК РСФСР, формулируя этот принцип, указывает, что суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы.

Непосредственное исследование доказательств означает, что следователь и суд должны основываться на непосредственном восприятии последствий преступления - первоисточников доказательств. Производные же источники доказательств допускаются лишь в случаях невозможности исследования первоисточников. Фактические данные, полученные в результате непосредственного исследования источников судебных доказательств, являются в соответствии с законом основой, на которой органы дознания, следователь и суд устанавливают все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ст. 69 УПК РСФСР).

Из сказанного видно, что односторонний подход к проблеме непосредственности судебного исследования нельзя признать правильным.

Характеристика исследования как непосредственного или опосредствованного зависит от того звена причинно-следственной цепи, которое принимается за предмет исследования. В целом судебное исследование является непосредственным относительно объективных последствий преступления и опосредствованным относительно вызвавших их причин.

Различие непосредственного и опосредствованного исследования существенно в плане разграничения категорий фактов, используемых в процессе доказывания.

В зависимости от способа установления и значения для разрешения дела все факты, используемые в процессе доказывания, следует разделить на три категории:

- исходные фактические данные;
- выводные факты;
- искомые факты.

К числу *исходных фактических данных* следует отнести всю информацию о расследуемом событии, получаемую путем непосредственного исследования.

Первоначальная задача доказывания состоит в собирании информации о расследуемом событии. Производя предусмотренные законом следственные и судебные действия: осмотры, обыски, эксперименты освидетельствования, допросы и другие, следователь и суд путем непосредственного контакта, восприятия материальной обстановки преступления, его последствий, живых лиц и документов выявляют все те фактические данные, которые свидетельствуют о расследуемом событии, содержат о нем сведения, информацию.

Сообщение свидетеля, выслушанное следователем в ходе допроса, знаки документа, материальные признаки вещей, наблюдаемые в ходе осмотра, - все это для судьи и следователя, с одной стороны, объективно существующие и, с другой стороны, непосредственно отраженные ими фактические данные, содержащие информацию о событии преступления. В качестве объективно существующих и непосредственно воспринятых указанные данные фиксируются в протоколах следственных и судебных действий.

Результаты непосредственного восприятия образуют, следовательно, круг тех исходных фактических данных, на которых строится все дальнейшее судебное исследование, все выводы и умозаключения об обстоятельствах преступления как фактах прошлого. В соответствии с законом (ч. 1 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства и ст. 69 УПК РСФСР) указанные *исходные фактические данные рассматриваются как судебные доказательства*.

В некоторых случаях утверждают, что исходные фактические данные-доказательства - это *не факты*, а «сведения», информация о фактах⁸⁰.

Утверждают, что показания обвиняемого не являются фактом, так как они

---

⁸⁰ См.: Дорохов В. Я. Понятие судебного доказательства. - Советское государство и право, 1964, № 9, с. 114-117; Михайловская И., Петрухин И. Некоторые вопросы теории судебных доказательств. - Советская юстиция, 1964, № 15, с. 5-6; и др.

могут не соответствовать тому, что имело место в действительности. Однако сами показания обвиняемых, свидетелей, документы, предметы представляют явления объективной действительности, которые должны непосредственно восприниматься, исследоваться и фиксироваться в протоколах следственных действий. При этом фактом является то, что, как и в какой обстановке показал на допросе обвиняемый и свидетель; что, каким образом и при каких обстоятельствах обнаружено при осмотре места происшествия и обыске, осмотре документов, освидетельствовании и т. д.

Соответствие (адекватность) непосредственно воспринятого судьей и следователем и зафиксированного в протоколе явления объективной действительности и есть факт - доказательство.

Конечно, нельзя не видеть разницы между фактами непосредственного восприятия и фактами прошлого, устанавливаемыми опосредствованно.

Первые важны лишь постольку, поскольку они свидетельствуют о вторых. Однако в уголовный процесс допускаются не любые свидетельства, а лишь те, которые обладают свойством фактичности⁸¹, по указанной терминологии закона «фактические данные». Таким образом, доказательства - это «данные», сведения, поскольку они свидетельствуют о фактах прошлого. Вместе с тем это фактические данные, поскольку это результаты непосредственного восприятия, адекватно отражающие объективную реальность: сообщения людей, знаки документов, признаки и свойства вещей. Следовательно, доказательство - это и факты, и информация, т. е. фактическая информация.

Утверждение о том, что в основе доказывания лежат не факты, а нечто отличное от фактов, лишает доказывание фактической основы, а его выводы - достоверности.

От исходных фактических данных - доказательств в процессе доказывания - необходимо отграничивать выводные факты или умозаключения о фактах. В числе выводных фактов в свою очередь различают доказательственные факты, искомые факты и главный факт.

Задача доказывания состоит в установлении всех существенных в правовом отношении сторон расследуемого преступления. Совокупность указанных сторон события (искомых фактов), взятых в их органическом единстве, образует главный факт, представляющий обобщенную характеристику всех существенных в правовом отношении сторон расследуемого преступления.

---

⁸¹ О свойствах факта, см. § 4.

Главный факт представляет высшую ступень генерализации фактов, исследованных в процессе доказывания, и содержит необходимый для разрешения дела объем фактической информации о расследуемом событии. Понятно поэтому, что установлением главного факта завершается исследование фактических обстоятельств расследуемого события и что это установление требует выявления и логической обработки большого количества исходных и промежуточных фактов.

Логическая обработка исходного, непосредственным путем полученного фактического материала приводит вначале не к установлению главного факта, а часто и не к установлению искомого факта, а к установлению нейтральных в правовом отношении обстоятельств, которые, однако, объективно связаны с искомым фактом и потому могут быть использованы для его установления. Эту группу фактов именуют *доказательственными*⁸².

Доказательственные факты имеют двойственную природу и функцию.

С одной стороны, имеется система утверждений, в которой доказательственные факты сами должны быть доказаны, установлены, т. е. выступают в качестве тезиса, предмета логического доказывания. Основаниями, аргументами в этой системе выступают исходные фактические данные - доказательства.

С другой стороны, доказательственные факты, будучи установлены, доказаны, включаются в систему утверждений, где они сами выступают в качестве оснований, аргументов и служат для логического доказательства искомого факта, установления предмета доказывания.

В рассматриваемых функциях доказательственный факт выступает не одновременно, а на различных по глубине и степени проникновения в сущность расследуемого события стадиях, «уровнях» судебного исследования. В целом же доказательственные факты являются средством логической связи исходных фактических данных - доказательств с конечными утверждениями - предметом доказывания.

Доказательственный факт следует отграничивать от содержания доказательства. Нередко понятие доказательственного факта отождествляется с содержанием доказательств как исходных фактических данных.

Свидетель в данных им показаниях может сообщить о пребывании обвиняемого на месте преступления; эксперт может дать заключение о том, что след обуви на месте преступления оставлен обувью, изъятой у обвиняемого. В этих

---

⁸² Их называют также «промежуточными», «побочными», «вспомогательными» (см., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 201-268; и др.).

случаях мы имеем сведения, сообщения, информацию о пребывании обвиняемого на месте преступления, составляющую содержание судебных доказательств (показаний, заключения). Однако сведения, информацию о доказательственном факте нельзя смешивать с самим доказательственным фактом. Последний должен быть установлен, логическим путем выведен из других фактов, доказан. При этом используется не какой-либо один источник, например показание данного свидетеля или заключение данного эксперта, а вся сумма собранных по делу фактических данных, содержащих информацию о данном факте. К числу таких данных могут относиться и показания других свидетелей, видевших обвиняемого вблизи места преступления, и заключения других экспертов, например, о происхождении частичек грунта на обуви обвиняемого с места преступления, и показания самого обвиняемого, и другие доказательства. Поэтому нельзя утверждать, что доказательственный факт «содержится» в источнике или «получен» из данного, конкретного источника.

Для того чтобы служить основанием для последующих утверждений, доказательственный факт сам должен быть доказан. При этом в процессе такого доказывания он выступает не как факт, а как тезис, *предмет* логического доказывания (доказываемый факт).

Общее, что свойственно всем доказательственным фактам, состоит в том, что они *не могут быть установлены путем непосредственного восприятия* следователем или судом. Каждый такой факт представляет вывод, умозаключение из определений совокупности исходных фактических данных. Представляя обобщение, генерализацию, оценку определенного объема ранее установленных фактических данных, они поднимают исследование на более высокий уровень, приближающий его к предмету доказывания.

С другой стороны, на следующем уровне исследования при установлении предмета доказывания доказательственные факты сами выступают как логические аргументы, основания умозаключений.

Это обстоятельство, однако, не устраняет существенного различия доказательственных фактов и доказательств. Доказательства представляют результаты непосредственного исследования предусмотренного законом круга источников. Доказательственные же факты являются выводными умозаключениями. Умозаключения же следователя и судьи не являются источниками доказательств⁸³.

---

⁸³ Что касается умозаключения эксперта, то оно представляет сведения, информацию, подлежащие, как и все доказательства, непосредственному исследованию и оценке со стороны следователя и суда. Доказательственный факт не «содержится» в заключении эксперта. Он *устанавливается следователем и судом* с помощью заключения эксперта и всех других доказательств, содержащих информацию о данном факте.

В отличие от «нейтральных» доказательственных фактов, *искомые факты*, отражают существенные в правовом отношении обстоятельства расследуемого события.

Предусмотренная законом *совокупность* искомых фактов образует *главный факт*.

Результаты анализа элементов процессуального доказывания и сопоставление их с элементами познавательного процесса показаны в следующих схемах (см. рис. 1 и 2).

Итак, мы можем представить информационно-логическую структуру доказывания в следующем виде.

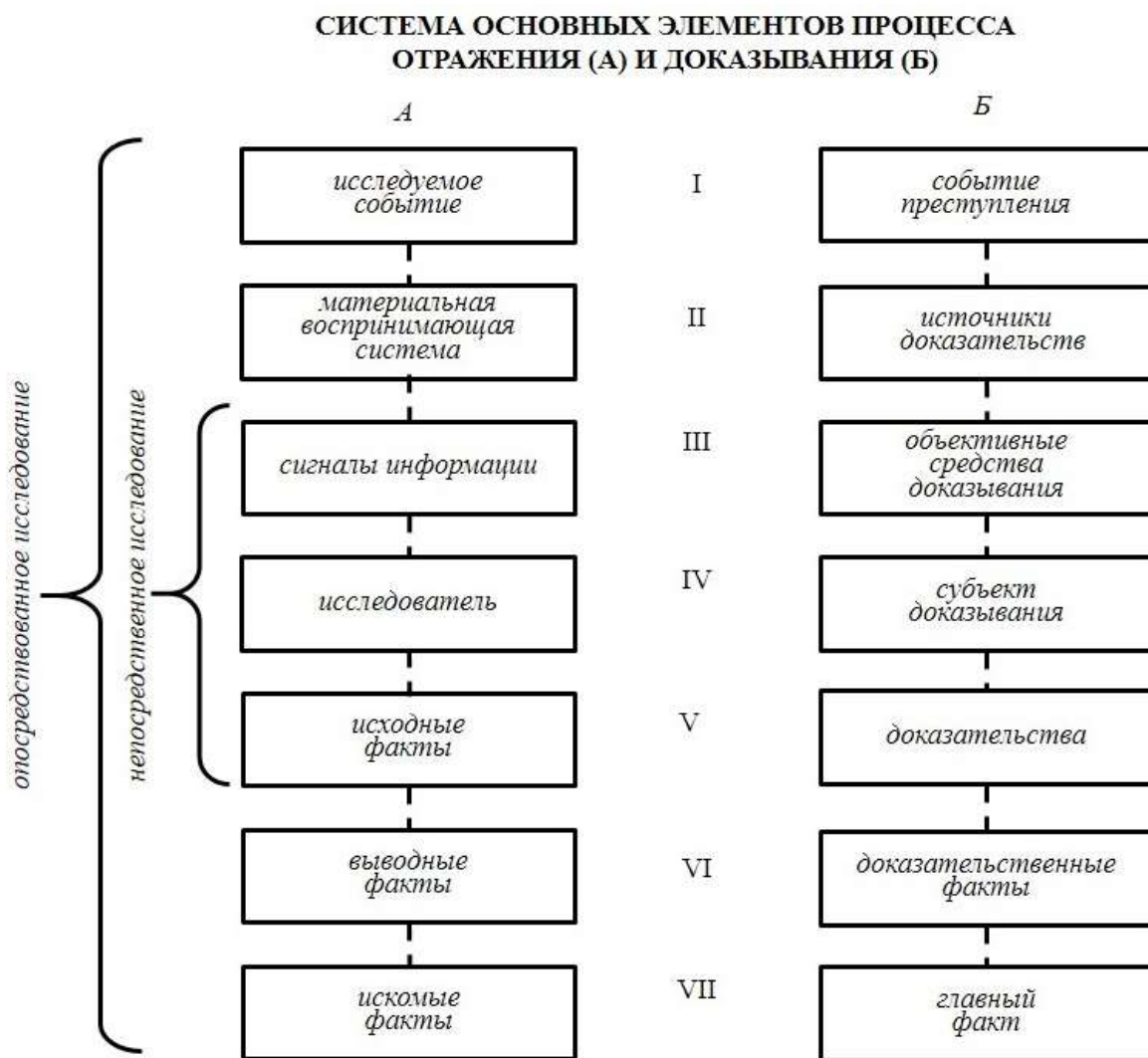

Рис. 1

Исходной при доказывании является материальная воспринимающая система (источник доказательства - (2)). Выделенные в этой системе признаки представляют «кванты» доказательственной информации (3), а само их выделение исследователем (4) характеризует первый аналитический уровень, связанный с

формированием исходных фактических данных - доказательств (5).

Выделение признаков вещей и знаков сообщений как элементарных «квантов» криминалистической информации имеет двойное значение. С одной стороны, оно характеризует пределы анализа, мысленного проникновения в структуру объекта, с другой - создает возможности количественной и качественной оценки исходной информации (вариационности признаков, частоты встречаемости свойств, координат движений, констант состояний и т. д.).

Системы признаков и знаков образуют информационные потоки, составляющие содержание исходных фактических данных - доказательств. Понятие информационного потока как информации о доказательственном факте, содержащемся в отдельном источнике, не совпадает с «единым понятием» доказательства. Один источник может содержать ряд различных информационных потоков. Так, обвиняемый может дать показания и о времени, и о месте, и о способе, и о других обстоятельствах преступления, подготовке к нему, мотивах и т. д.; документ может содержать ряд информационных полей: содержание, поддельные подписи, отиски печатей и т. д. С другой стороны, различные источники, например документы, содержащие образцы почерка одного и того же лица, могут содержать аутентичные потоки информации.

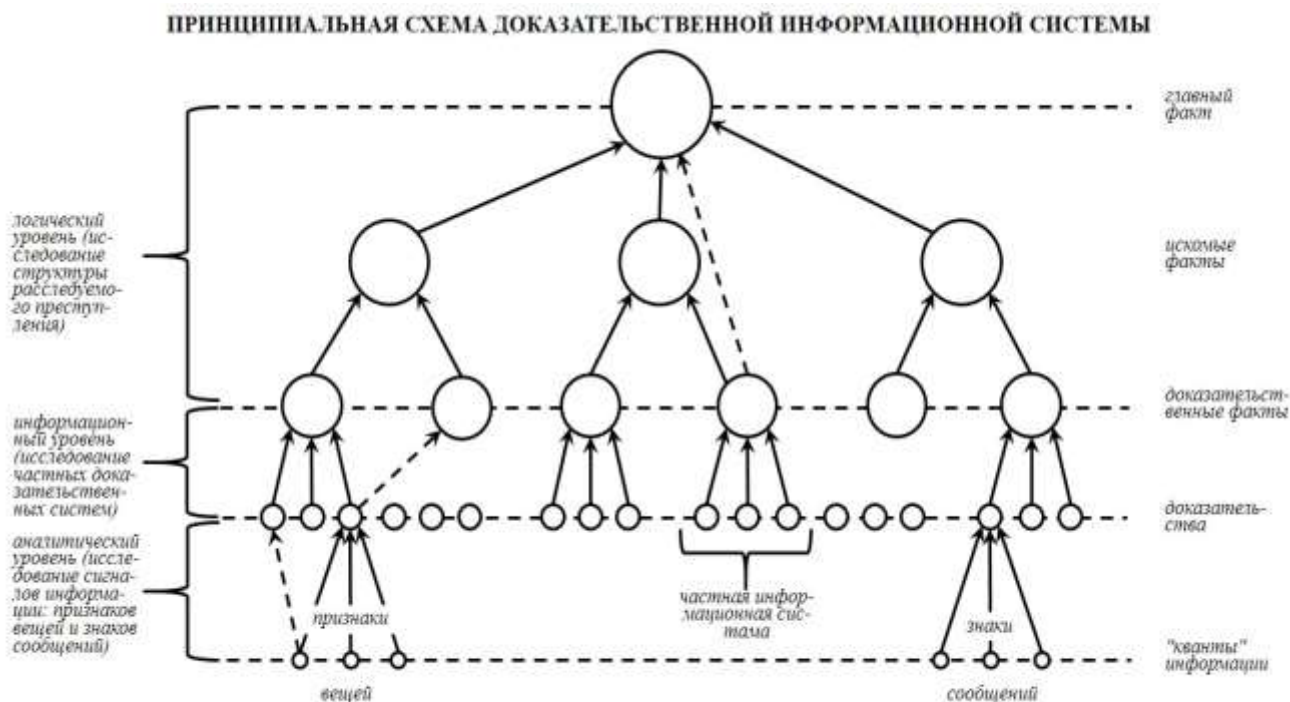

Рис. 2. Пунктиром показаны случаи некорректного использования доказательственной информации

Система информационных потоков образует информационную криминалистическую систему, основное назначение которой состоит в установлении доказательственных, искомых или главного факта. Соответственно различаются частные или общие информационные системы. К числу функций информационных криминалистических систем относятся выявление и объяснение противоречий в информационных потоках, относящихся к доказываемому факту, опровержение ложных утверждений и достоверное установление (доказывание) факта.

Речь идет, таким образом, о логико-познавательной интерпретации исходных фактических данных с точки зрения их непротиворечивости и достаточности для вывода о доказываемом факте.

В зависимости от характера и уровня исходных фактических данных различаются уровни криминалистических систем. В выводах экспертов и актах опознаний используются системы признаков; в основе выводов следователя и суда о доказательственных фактах лежат частные системы исходных фактических данных - доказательств, искомые факты, как и главный факт, обосновываются системой доказательственных фактов.

В связи с этим необходимо разграничивать и уровни доказывания: аналитический, информационный и логический⁸⁴. На аналитическом и информационном уровне формируются информационные потоки, составляющие содержание исходных информационных систем, на основе которых устанавливаются доказательственные факты. Исследование взаимосвязи и связи с преступлением достоверно установленных обстоятельств составляет основу логического доказывания.

Информационное и логическое доказывание различаются не только с точки зрения характера исходных фактических данных и степени приближения выводов к конечной цели исследования. В процессе информационного доказывания «добывается» информация об объектах и процессах, *отраженных в других материальных системах*. Методом же получения новой информации является ее декодирование по правилам естественного, при исследовании вещественных, и искусственного, при исследовании сообщений, кода. Так, информация о канале ствола пистолета может быть снята с поверхности пули методом профилирования, информация о признаках внешности преступника - путем допроса очевидца. В обоих случаях существенным условием извлечения и оценки полученной информации является исследование информационного канала, т. е. учет условий и механизма отражения признаков, действия помех, формы передачи сообщения и

---

⁸⁴ Общую характеристику информационного и логического уровней доказывания см. в работе автора «Уровни уголовно-процессуального доказывания». - Советское государство и право, 1974, № 11, с. 86-89.

т. п.

При логическом доказывании информация об объектах и процессах извлекается путем анализа внутренней структуры расследуемого события. Методом доказывания при этом является исследование взаимосвязи и взаимной обусловленности обстоятельств расследуемого события, элементов преступления.

Элементы преступной деятельности, являющиеся предметом уголовно-правового и криминалистического исследования, находятся во взаимной связи, придающей им качество определенной структуры. Так, известно, что ведущим элементом преступной деятельности является мотив и цель, характеризующие характер преступной деятельности и личность преступника. Ими обуславливается предмет преступления, способ преступного действия, используемые орудия и средства, время и место преступления. Наиболее существенной в правовом отношении является причинная и виновная связь, придающая указанным отдельным элементам преступления качество целостной структуры.

В силу этого каждый элемент преступного события несет информацию о любом другом его элементе и может быть использован для его установления. Так, установление времени и места преступления существенно ограничивает круг подозреваемых, выяснение способа его совершения, цели и мотива его совершения может привести к обнаружению конкретного виновного лица. В отличие от информационного доказывания, осуществляемого путем декодирования содержащейся в материальных источниках информации, методом логического доказывания является исследование взаимосвязей элементов расследуемого события.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

---

1. Информационно-познавательная структура деятельности по раскрытию и расследованию преступлений исследуется криминалистикой, является предметом этой науки.

2. Метод криминалистики состоит в исследовании информационно-познавательной структуры раскрытия и расследования преступлений, основанном на изучении способов (механизмов) совершения преступлений и обобщении опыта следственной, оперативно-розыскной и экспертной работы.

3. Содержание науки криминалистики образуют теория и методология; первая - как система знаний о закономерностях отражательных, информационных и познавательных процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; вторая - как система основанных на указанных закономерностях

знаний об эффективных приемах, методах и средствах информационно-познавательной деятельности.

4. Исследуемые криминалистической техникой, тактикой и методикой информационные каналы складываются соответственно в процессе взаимодействия материальных объектов, в процессе человеческой деятельности и в процессе расследования преступления, совершенного определенным типовым способом.

5. Методом научного исследования структуры процессуального доказывания является ее сопоставление с элементами и механизмами информационно-отражательных и познавательных процессов.

Система элементов процессуального доказывания, сохраняя свою процессуально-правовую специфику, полностью соответствует общей системе информационно-отражательного, познавательного процесса. Это соответствие является следствием того, что в процессе доказывания действуют гносеологические закономерности, определяющие общность структуры рассматриваемых процессов.

6. Рассмотрение доказывания как структурного информационно-познавательного процесса позволяет осуществить новый подход к традиционным проблемам и понятиям, выявить новые аспекты и элементы доказывания в их числе: источник доказательства, средство доказывания, доказательство, доказательственный факт, главный факт, уровни доказывания, доказательственные информационные системы, принципы и методы доказывания.

7. Единство, целостность процесса доказывания, рассматриваемого с позиций объективной истины, достигаемой в результате доказывания, находит свое отражение в информационной связи системы элементов, охватывающей объект, субъект и образ, и адекватности (изоморфизма) образа объекту.

8. Система элементов отражает не только единство и взаимосвязь их в процессе доказывания, определяемую его общими задачами, но и различие, специфику каждого элемента, отражающую частные задачи доказывания.

9. Анализ процесса доказывания требует структурного выделения различных в функциональном отношении элементов процесса доказывания, характеризующих его сложность, противоречивость, многоступенчатость.

При этом чем более глубоким и детальным будет такой структурный анализ, тем полнее будут раскрыты механизмы доказывания, тем большее значение будет иметь такой анализ для практики.

С этих позиций видна неприемлемость установок на упрощение структуры доказывания, «укрупнение», интеграцию его элементов, приводящее к многозначности соответствующих понятий.

10. Методологическое значение имеет разграничение элементов, соответствующих объективному отражению события преступления в материальных системах (событие, материальный источник, объективное средство доказывания) и элементов субъективного отражения преступного деяния в сознании субъекта доказывания (субъект, доказательства, доказательный и главный факт).

11. Понятие *источника доказательств*, характеризующее поисковый уровень доказывания, отражает задачу выделения и индивидуализации материального объекта - носителя доказательственной информации.

12. Понятие объективных *средств доказывания* как сигналов доказательственной информации в форме показаний живых лиц, знаков документов, признаков предметов, характеризующее аналитический уровень доказывания, представляет необходимое условие непосредственного исследования и получения *исходных фактических данных - доказательств*.

13. Понятие *доказательственной информации* позволяет уточнить содержание понятия судебного доказательства, проследить стадии его формирования, уровни процесса доказывания и формирования информационных доказательственных систем.

14. Для обозначения информации о доказательственном факте, содержащейся в отдельном источнике, вводится понятие *информационного потока*.

15. Система информационных потоков, обеспечивающая достоверное установление факта путем исследования соответствующих информационных каналов, образует *информационную систему*. В зависимости от юридического значения устанавливаемого факта (доказательственный, искомый, главный) система может быть частной или общей.

16. Установление промежуточного или юридически значимого факта путем непосредственного исследования информационных каналов характеризует *информационный уровень доказывания*.

17. *Логический уровень доказывания* характеризуется установлением фактов на основе исследования взаимосвязи и связи с преступлением других достоверно установленных фактов. Объектом исследования при этом являются не информационные каналы, а внутренняя структура расследуемого события.

18. Разграничение исходных фактических данных и других категорий фактов, используемых в процессе доказывания, отражает связь и соотношение непосредственного и опосредствованного исследования.

19. Выделение доказательственных, искомых и главного фактов отражает различные уровни познания юридической сущности расследуемого события.

20. Информация, необходимая для установления фактических обстоятельств преступления, содержится не только в исходных фактических данных - доказательствах, но и в структуре расследуемого события. Переход от исходных фактических данных к главному факту невозможен без информации, получаемой путем умозаключающей деятельности в стадии логического доказывания. Это означает принципиальную невозможность сведения конечных выводов о событии преступления и виновности конкретного лица к простой совокупности исходных фактических данных, содержащихся в собранной системе доказательств.

21. Односторонней и потому неправильной является характеристика расследования как способа получения информации только из источников доказательств. Такая характеристика верна только для уровня информационного доказывания, но она не учитывает информацию, получаемую на «верхних этажах» доказывания. При этом исследование не ограничивается переработкой, оценкой ранее полученной информации, а связано с получением принципиально новой информации о существенных обстоятельствах расследуемого события, выводы о которых фиксируются в важнейших процессуальных актах: постановлениях о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, о передаче суду, а также в обвинительном заключении и приговоре.

22. Выделение логического доказывания в качестве самостоятельной стадии доказывания требует более интенсивной разработки методов системно-структурного анализа преступной деятельности, выявления и типизации ее межэлементных связей, а также методов получения информации о расследуемом событии и личности преступника путем исследования его структуры.

23. Основное правило доказывания состоит в том, что подлежащий установлению факт может быть установлен только на основе информационной системы соответствующего уровня. Следствием из этого правила является требование о соблюдении последовательности уровней доказывания. Так, для установления факта пребывания подозреваемого на месте преступления по следам рук должна быть проведена дактилоскопическая экспертиза (аналитический уровень), выводы которой используются в соответствующей частной информационной системе наряду с другими доказательствами: показаниями очевидцев, экспертизой частиц грунта на обуви подозреваемого и другими доказательствами (информационный уровень).

Совпадающие признаки папиллярного узора, составляющие идентификационную информационную систему и положенные в основу разрешения вопроса

о тождестве, не могут быть без их оценки экспертом включены в систему доказательств на информационном уровне.

С другой стороны, факт пребывания на месте преступления подозреваемого, если он не будет достоверно установлен на информационном уровне, не может быть использован как аргумент в логическом доказывании причинной связи и виновности подозреваемого. В этом случае в общую информационную систему не могут быть включены ни признаки папиллярного узора, ни показания очевидцев о признаках внешности виденного ими лица, ни заключение почвоведческой экспертизы, свидетельствующие о факте пребывания обвиняемого на месте преступления.

24. Общим методом исследования (проверки и оценки) доказательственной информации является *исследование информационных потоков в соответствующих информационных системах*. Распространенный в юридической литературе тезис о том, что общим методом доказывания является исследование доказательств в системе других собранных доказательств требует уточнения.

Во-первых, при формировании информационных систем используются не доказательства, в полном объеме содержащиеся в соответствующем источнике информации, а информационные потоки о подлежащих установлению фактах. Именно они при установлении доказательственных фактов «взвешиваются», анализируются, суммируются и т. д. Одно и то же по источнику доказательство может содержать различные информационные потоки, которые будут использованы в различных информационных системах для установления различных фактов.

Во-вторых, информационные потоки, составляющие содержание доказательств, используются только на информационном уровне и не могут быть использованы на аналитическом и логическом. Поэтому исследование доказательств в системе других доказательств как метод «работает» только на определенном уровне и не может быть рассмотрен как общий метод исследования фактических обстоятельств преступления.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ
КИБЕРНЕТИКА КАК ТЕОРИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
И СИСТЕМ В КРИМИНАЛИСТИКЕ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ
ДЛЯ РЕШЕНИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

§ 1. Сущность, значение и основные
направления использования
в криминалистике данных
математики и кибернетики

Еще К. Маркс сформулировал положение о том, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой¹.

В этой короткой, но чрезвычайно емкой формуле, в сущности, доказаны не только условия становления подлинной науки, но и одна из важнейших тенденций ее дальнейшего развития. Не является и не может быть исключением и криминалистика. Более того, как ни одна другая, в частности юридическая, наука, криминалистика формировалась и развивалась при широком использовании и творческом приспособлении для решения своих задач, идей, средств и методов других наук, в том числе и математики.

Весьма характерны эти процессы и для современного состояния криминалистики.

При этом одной из ведущих тенденций, все более четко проявляющейся закономерностью, ныне становится использование данных не только математики, но и кибернетики. Причем, как показывает практика, ныне идет активный процесс математизации и кибернетизации криминалистики.

Чем же объясняются эти процессы, каковы их методологические предпосылки и значение для криминалистической теории и практики?

На наш взгляд, чтобы получить верные ответы на эти и сопряженные с ними вопросы, необходимо исходить из общих закономерностей развития науки

---

¹ См.: Лафарг П. Воспоминания о Марксе. - В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 66.

вообще, закономерностей, особенностей и методологических предпосылок взаимодействия общественных, естественных и технических наук в частности.

Известно, что подлинно научный анализ такого рода закономерностей впервые был осуществлен в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, четко сформулировавших их научные предпосылки.

Применительно к рассматриваемой проблеме, важнейшей из них является положение о единстве наук, в частности общественных и естественных.

Обосновывая это положение, Ф. Энгельс писал, что законы природы и общества составляют «...два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности»².

Следует, однако, заметить, что, обосновывая единство естественных и общественных наук, и К. Маркс и Ф. Энгельс многократно указывали на недопустимость и опасность как абсолютного их отождествления, так и абсолютного их противопоставления.

Однако та и другая концепция существовали не только во времена основоположников научной теории познания. Нередко они проявляются и сейчас, особенно в работах буржуазных ученых.

Применительно к общественным наукам наиболее рельефно это просматривается в концепции полной изолированности их средств и методов от средств и методов естественных и технических наук, а следовательно, невозможности использования последних для решения гуманитарных, в частности правовых, задач.

Именно этим объясняется то, что в правовой науке и практике юридических органов (если не считать криминалистики и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений) до недавнего времени средства и методы естественных наук, в частности математики и кибернетики, совершенно не использовались. Вместе с тем необходимые методологические предпосылки и практическая потребность в этом всегда были.

Иногда имеет место и другая крайность - чрезмерное преувеличение возможностей естественных и технических наук и, как следствие этого, часто чисто механический перенос их средств и методов, их идей и понятийного аппарата на общественные науки, в том числе науки уголовно-правового цикла.

Заметим, что еще В. И. Ленин решительно выступал против такого подхода к сущности взаимодействия общественных и естественных наук. Он прямо указывал, что нельзя бесцеремонно пришивать к явлениям общественной жизни биолого-энергетические и тому подобные этикетки, которые ничего не дают и ничего

---

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

не могут дать общественным наукам³.

Наряду с этим взаимодействие указанных наук он рассматривал как одну из закономерностей науки, которая характерна для любых этапов ее развития. Он, в частности, писал: «Могущественный ток к обществоведению от естествознания шел, как известно, не только в эпоху Петти, но и в эпоху Маркса. Этот ток не менее, если не более, могущественным остался и для XX века»⁴.

Одной из форм реализации этого процесса в современных условиях является использование общественными науками математического аппарата, идей и технических средств кибернетики, в частности вычислительной техники, и т. п.

Характеризуя особенности развития науки в условиях научно-технической революции и значение взаимодействия отдельных наук, академик М. В. Келдыш отмечал: «Развитие наук вступает в такую фазу, когда взаимосвязи между ними, взаимопроникновение и взаимодействие наук все более усиливается. И действительно, ...даже такие отрасли, как экономическая наука, теперь уже не могут существовать без очень хорошего знания передачи и переработки информации, без новейших математических методов и вычислительной техники»⁵.

Отмеченные особенности развития науки на ее современном этапе в полной мере относятся и к криминалистике - науке, призванной обслуживать своими средствами и методами деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

В основе этой деятельности, как было показано выше (гл. I настоящей работы), лежат процессы сбора, переработки и использования информации о событии преступления и преступнике. Поэтому для повышения эффективности криминалистической деятельности мы прежде всего должны повысить эффективность информационных процессов, что, как показывает практика, наряду с другими мероприятиями лучше всего обеспечивается целенаправленным и многоаспектным использованием данных математики и кибернетики, или, иными словами, в результате взаимодействия криминалистики с указанными науками.

Каковы же пути и конкретные формы такого взаимодействия?

В советской философской литературе считается общепризнанным, что наиболее рельефно процессы взаимодействия соответствующих наук проявляются в той или иной человеческой деятельности. Поэтому наиболее плодотворным подходом к анализу процессов интеграции наук является так называемый

---

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 348.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 41.

⁵ Келдыш М. В. Естественные науки и их значение для развития мировоззрения и технического прогресса. - Коммунист, 1966, № 17, с. 29-30.

деятельностный подход⁶.

Научные основы этого подхода базируются на теории деятельности, исходные позиции которой были разработаны К. Марксом. Он, в частности, показал, что деятельность как определенная система включает в себя ряд компонентов: субъекта деятельности; предмет деятельности; ее цель; определенную совокупность операций, необходимых для достижения цели; средства деятельности и ее результат⁷.

Наряду с этим к компонентам деятельности, по мысли К. Маркса, относятся материальные условия - как те, которые люди «...находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»⁸.

Как известно, любую науку также можно представить как определенный вид деятельности со своими составляющими. Как справедливо замечает А. Д. Урсул⁹, такими составляющими являются: субъект (С), объект (Об), средства (Ср), цели (Ц), потребности (П), результаты (Р), операции (Оп), условия (У) и некоторые другие (в зависимости от аспекта и вида научной деятельности).

Обозначив интересующие нас науки условными символами соответственно криминалистику (К), математику (М), кибернетику (Кб) и условившись, что штрих над символом будет обозначать взаимодействие, мы (подобно тому как это сделано А. Д. Урсулом применительно к взаимодействию общественных, естественных и технических наук)¹⁰ можем построить формализованную таблицу всех возможных вариантов взаимодействия применительно к каждому из компонентов указанных наук.

Ниже приводится фрагмент такой таблицы применительно к двум наиболее важным для нашей задачи компонентам - средствам наук, которые используются в криминалистике для достижения той или иной научной или практической цели, и субъекту деятельности.

Таблица 1

	К	М	Кб		К	М	Кб
1	$\bar{C}p$	Ср	Ср	1	$\bar{C}$	С	С
2	$\bar{C}p$	$\bar{C}p$	Ср	2	$\bar{C}$	$\bar{C}$	С
3	$\bar{C}p$	$\bar{C}p$	$\bar{C}p$	3	$\bar{C}$	$\bar{C}$	$\bar{C}$

⁸ См., например: Урсул А. Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. М., 1981, с. 92.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 50.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 18.

⁹ См.: Урсул А. Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. М., 1981, с. 109.

¹⁰ См.: Урсул А. Д. Указ. соч., с. 109-110.

Первой строкой мы обозначили ситуацию, когда субъект криминалистической деятельности (следователь, эксперт, оперативный работник и др.) для решения стоящей перед ним задачи ограничивается использованием либо лишь традиционных средств (и методов) криминалистики, либо в совокупности с ними использует данные иных наук (например, психологии, психиатрии, физики и т. п.). Такие ситуации, как известно, не являются редкостью, и они вполне оправдываются практикой, так как и без использования данных математики и кибернетики здесь в полном объеме решаются все задачи судебного познания.

Вторая и последующая строки предусматривают случаи, когда использование данных математики и (или) кибернетики¹¹ либо весьма желательно, либо просто необходимо. Последнее, как показывает практика, наряду с характером задачи определяется теми функциями, которые могут выполнять математика и кибернетика при их использовании в криминалистике.

Одной из таких функций является повышение эффективности познавательных действий и точности получаемых результатов.

Точное отображение объекта, как известно, - идеал любого научного познания. Для познания же в сфере уголовного судопроизводства это имеет особое значение, ибо от его результатов зависит правильность принимаемого решения, что всегда связано с судьбами людей и соблюдением социалистической законности. Поэтому здесь особенно важно использовать такие методы познания, которые бы приводили к получению достоверных данных, независимо от индивидуальных особенностей познающего субъекта. Кроме того, применяемые методы должны отвечать принципу воспроизводимости и повторяемости результатов криминалистического исследования, что, как известно, является одним из средств проверки правильности принятого решения.

Многие из математических и кибернетических методов отвечают этим условиям. Однако это не значит, что они применимы для решения любых задач, исследования любых объектов, что их использование обеспечивает абсолютную точность их познания. Их значимость и место в судебном познании определяются уже тем, что они способствуют повышению точности результатов исследования, а следовательно, и тех выводов, которые формируются по их результатам.

Важным принципом уголовного судопроизводства являются полнота и всесторонность исследования события преступления и сопряженных с ним обстоятельств.

---

¹¹ Здесь и в дальнейшем понятием «данные математики и кибернетики» мы обозначаем весь арсенал их средств и методов, начиная от понятийного аппарата до любых специальных разделов этих наук.

Применительно к криминалистическому исследованию это прежде всего означает, что наряду с качественными должны быть выявлены и исследованы количественные и структурные характеристики объекта познания, а также его функциональные связи и отношения с другими объектами. И здесь математические и кибернетические методы играют весьма важную роль, ибо их применение расширяет рамки чисто качественного подхода, делает такое исследование комплексным, многогранным. Такова вторая функция этих методов, которая не позволяет сводить роль математики и кибернетики в криминалистике, как это иногда делается, к роли технического аппарата исследования, позволяющего лишь вычислять количественное значение того или иного параметра исследуемого объекта.

По справедливому замечанию О. А. Гаврилова, в любой сфере правовых исследований нельзя недооценивать возможности математического аппарата и для качественного развития теории той области знания, где он применяется, ибо перевод понятий и представлений соответствующей области знания на математический язык приводит к существенному уточнению, совершенствованию и развитию системы представлений и понятий этой области знаний¹².

Теперь мы подошли к еще одной функции математики и кибернетики, а именно их роли в уточнении и совершенствовании языка криминалистики.

Язык, как известно, является не только средством общения, но и средством выражения результатов, достигнутых в ходе научного познания любого объекта. Естественно, что познание криминалистических объектов не является и не может являться каким-либо исключением из этого общего правила.

Следовательно, криминалистике, как и любой науке, присущ характерный для нее язык, специфика которого формировалась, с одной стороны, с учетом объекта ее познания, с другой - тех средств и методов, которые для этого использовались и используются ныне.

Структурно язык любой науки состоит из таких элементов, как система специфических для данной науки понятий, определений, образов, а также знаков, с помощью которых они выражаются.

Базовой основой языка криминалистики как юридической науки является язык права. Но криминалистика - это весьма специфическая юридическая наука в силу того, что многие ее средства и методы базируются и создаются на основе

---

¹² См.: Гаврилов О. А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М., 1980, с. 17; и др.

средств и методов многих естественных и технических наук, в том числе математики и кибернетики.

А раз так, то в языке криминалистики при ее взаимодействии с математикой и кибернетикой не могут не ассимилироваться элементы языка последних. К таковым, как известно, ныне относятся математические понятия, числа и действия над ними, символические обозначения таких действий, графические построения и их проективные преобразования и многие другие. Естественно, что язык математики и кибернетики, а следовательно, и язык криминалистики в рассматриваемом нами смысле формировался постепенно. Так, на этапе использования криминалистикой арифметики в качестве элементов ее языка использовались числа, действия над ними и некоторые математические понятия.

С возникновением классической вычислительной математики к этим элементам языка математики присоединился язык алгебры и анализа, причем формул достаточно простых для ручного счета. Язык же современной вычислительной математики, как пишет академик В. М. Глушков, «...это язык алгоритмов и программ, включающий старый язык формул в качестве частного случая... Классическая вычислительная математика была нацелена на изучение относительно простых систем. Ее язык ориентировался на описание непрерывных параметров и специальных зависимостей, характерных прежде всего для механики и физики. Современная вычислительная математика дает возможность эффективного изучения сложных (многопараметрических) систем. Ее язык универсален в том смысле, что он пригоден для описания параметров и зависимостей любого характера. Тем самым создается основа для исследования дедуктивными методами объектов и явлений в науках, не принадлежащих к числу точных.

...Благодаря появлению и развитию ЭВМ круг задач, решаемых расчетными способами и при помощи математического моделирования, непрерывно расширяется, отвоевывая у классических экспериментальных и наблюдательных методов всё новые и новые области»¹³.

Сфера раскрытия и расследования преступлений относится к одной из них.

При этом практика показывает, что использование средств и методов математики, в частности ее языка, приводит к тому, что понятия, которые применяются для описания хода и результатов криминалистического исследования, приобретают более определенный характер, степень их подтверждения увеличива-

---

¹³ Глушков В. М. Роль математики в современной науке. - В кн.: Современная культура и математика. М., 1975, с. 59-60.

ется, а систематическая связь суждений в пределах структуры научных высказываний улучшается.

Обосновывая необходимость и значение математизации знания, академик Б. В. Гнеденко пишет: «...Насущные теоретические и прикладные задачи приводят нас неизбежно к использованию математических методов в решении вопросов естествознания, экономики и ряда гуманитарных наук. Однако от математизации знания качественное своеобразие явлений и законов природы ничего не теряет: наше же знание становится более полноценным, поскольку мы приобретаем возможность предвычислять течение явлений; узнаем степень совершенства нашего знания, поскольку количественное сравнение наших закономерностей с реальным течением соответствующих явлений дает нам эту возможность»¹⁴.

Важным методологическим приемом решения такого рода задач является математическое моделирование, которое как метод познания получило особенно бурное развитие (и применение) в связи с формированием и развитием кибернетики. Именно благодаря кибернетике метод моделирования стал успешно применяться во многих науках, обрел значение общенаучного метода познания. Вообще, как справедливо отмечается в литературе, кибернетика явилась своеобразным синтезом многих отраслей знания и теорий, которые практически просто невозможно перечислить. Причем синтетическая функция кибернетики проявляется не только в отражении некоторой объективной общности процессов управления, связи и информационных процессов, совершающихся в качественно различных системах, но и в отражении неразрывного единства, неразделимости этих процессов¹⁵.

Что же касается формы выражения достигнутого знания, то, как правильно замечает немецкий философ-марксист Георг Клаус, «...наука находит все более надежные знаки, с помощью которых она отражает действительность, ненадежные и расплывчатые слова постепенно исчезают из ее языка. Такие слова, как «возможно» и «в случае», «многие» и т. д., заменяются точными логическими выражениями. Там, где возможно заменить строго детерминированными терминами такие слова, как «многие», «иногда» и т. д., на место их ставятся по крайней мере точные определения вероятностного характера; разрабатывается все более

---

¹⁴ Гнеденко Б. В. Вопросы математики современного естествознания. - В кн.: Диалектика и современное естествознание. М., 1970, с. 82.

¹⁵ См., например: Мороз А. Я. Интегративная функция кибернетического знания. - В кн.: Методологические вопросы теоретического естествознания. Киев, 1978, с. 321-323.

обширный технический аппарат, чтобы установить, какие высказывания действительно истинны или действительно ложны»¹⁶.

Совершенно очевидно, что определение вероятностного характера знания и использование технических средств, в том числе вычислительной техники, для установления истинности или ложности суждений возможны прежде всего на базе использования данных математики, логики и кибернетики. Но, как мы уже ранее отмечали, предмет и задачи этих наук вовсе не исчерпываются одними лишь вычислительными и количественными аспектами.

Правы те авторы¹⁷, которые считают, что математизация наук проявляется прежде всего в использовании форм мышления и критериев, принятых в математической науке. Математические отношения, формулировки образуют связные теоретические системы, вне которых они теряют смысл.

В случае предметной интерпретации математическая формула строга и однозначна, какими бы характеристиками ни обладала область объектов, на которые она распространяется. Что же касается собственно языка математики, то марксистско-ленинская философия всегда рассматривала его в качестве одного из возможных научных языков описания процессов объективной реальности¹⁸. Особо необходим он тогда, когда объектом исследования являются количественные и структурные характеристики познаваемых объектов, без анализа которых, как правило, не обеспечивается необходимая полнота любого криминалистического исследования.

Ясно, что в таких случаях налицо будет синтез двух научных языков описания соответствующего объекта или процесса его познания - юридического и математического. При этом может происходить не только синтез понятий, но и перевод некоторых из них с одного языка описания на другой, в частности с естественного языка на искусственный, или, иными словами, на язык знаков, под которыми ныне принято понимать «...чувственно-воспринимаемый предмет, указывающий на другой предмет, отсылающий к нему организм или машину»¹⁹. Чаще всего знаки - это либо определенные символы (математические, логиче-

---

¹⁶ К л а у с Г. Сила слова (гносеологический и прагматический анализ языка). М., 1967, с. 80-81; см. также: Г н е д е н к о Б. В. Вопросы математизации современного естествознания. - В кн.: Диалектика и современное естествознание. М., 1970.

¹⁷ См., например: С л а в к о в С. Понятие «Математическая структура» и его значение. - Вопросы философии, 1970, № 2; З о т о в А. Ф. Философское наследие В. И. Ленина и проблема объективного содержания научных законов. - Вопросы философии, 1970, № 2; и др.

¹⁸ См., например: М а р и н ы ч е в Э. А. Математика - язык науки. Л., 1969; Р а к и т о в А. И. Курс лекций по логике науки. М., 1971, с. 87-91; Г н е д е н к о Б. В. Языком математики. М., 1962; и др.

¹⁹ В е т р о в А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, с. 22.

ские, буквенные), либо различного рода сигналы (световые, звуковые и т. п.). Такого рода знаки и их совокупности (знаковые системы) способны выполнять очень важную функцию - замещать собой многословные и к тому же не всегда однозначные повествовательные и (или) побудительные высказывания, излагаемые на естественном языке. При этом, полностью передавая содержание высказывания, такая система всегда является более компактной. Происходит как бы «сжатие» информации по форме при полном или достаточно полном сохранении ее объема.

Примером тому может служить такая знаковая система, как основная и дополнительная части десятипальцевой дактилоскопической формулы.

Так, в соответствии с принятой в СССР индексацией, например, формула $\frac{1\ 21341}{1\ 12341}$ заменяет следующее описание: у лица, подлежащего уголовной регистрации, ни на одном из десяти пальцев рук нет завитковых узоров. Имеющиеся же на правой руке (числитель дополнительной дроби) распределяются так: на большом пальце - радиальная петля (2); на указательном - дуговой узор (1); на среднем - ульнарная петля, причем между центром узора и дельтой меньше 10 папиллярных линий (3); на безымянном - ульнарная петля, у которой между центром узора и дельтой меньше 14 (но более 9) папиллярных линий (4); на мизинце - дуговой узор (1). Аналогичную информацию об особенностях строения папиллярных узоров на пальцах левой руки несут и знаки, стоящие в знаменателе дополнительной дроби.

Мы хотели бы особо подчеркнуть, что в данной, как, впрочем, и других знаковых системах, знаки несут и передают информацию не о самих себе, а о том, что каждым из них и их совокупностью обозначено.

Как правильно замечают Р. С. Белкин и А. И. Винберг, «эта информация... естественно способствует приобретению субъектом знания об обозначенном знаками объекте. Происходит познавательное отражение содержания знака в сознании субъекта. Достигается такое познавательное отражение... не столько через отдельные знаки, сколько через их определенные сочетания, связи и структуру, через систему знаков»²⁰.

В современных условиях значение знаковых систем определяется еще и тем, что они являются необходимым атрибутом всякого исследования, реализуемого с использованием ЭВМ. Именно на базе самых различных знаковых систем

---

²⁰ Белкин Р. С., Винберг А. И. Язык науки и применение знаковой теории в криминалистике. - В кн.: Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973, с. 234.

создаются формализованные языки для описания фактов реальной действительности, например, следственной ситуации и объектов экспертного исследования; разрабатываются методики информационного поиска в автоматизированных информационно-поисковых системах; создаются на базе современных средств связи системы информационного обеспечения органов, осуществляющих борьбу с преступностью, и управления ею (АСУ-МВД, АСУ-Прокуратура, АСУ-Юстиция) и т. д.

Как показывает практика, во всех этих и подобных случаях естественно-научной основой является использование различного математического аппарата и средств вычислительной техники, идей и методов кибернетики.

В заключение рассмотрим еще одну функцию математики и кибернетики при использовании данных этих наук для решения криминалистических задач. Мы имеем в виду «посредническую» роль математики и кибернетики в деле интеграции криминалистики с такими науками, как физика, химия, биология и др.

Как известно, методы этих наук давно уже используются для решения многих задач, возникающих в процессе расследования преступлений. Однако в последние годы многие из них весьма существенно трансформировались за счет их математизации и кибернетизации. Ныне в названных процессах наметились два направления. Во-первых, активно развивается группа методов физического, химического, биологического и иных исследований, при проведении которых используется аппарат той или иной отрасли математики. При этом получаемые данные подвергаются ручной обработке. Во-вторых, создаются автоматизированные комплексы как собственно физических, химических и иных исследований определенных объектов (например, материалов и веществ), так и выполняющих функции информационно-поисковых систем или автоматизированных банков данных соответствующей информации (по наркотикам, лекарственным препаратам, бензинам, маслам, лакам и т. п.).

С функциями, которые могут выполнять средства и методы математики и кибернетики при их использовании в криминалистике, тесно связаны формы или пути их использования.

Если обратиться к исторически сложившейся практике использования данных математики и кибернетики в криминалистике, то нельзя не заметить, что сложились два основных пути, которые соответствуют двум уровням взаимодействия этих наук.

Сущность первого состоит в том, что средства и методы математики и ки-

бернетики используются в криминалистике без каких-либо изменений, без творческого их преобразования. Иными словами, путем их прямого переноса, без разработки на их основе каких-либо специальных методик криминалистического исследования.

Второй уровень взаимодействия криминалистики с математикой и кибернетикой характеризуется тем, что заимствуемые у этих наук средства и методы творчески преобразуются и приспособляются к нуждам криминалистики и на их базе создаются качественно новые средства и методы познания криминалистических объектов, разрабатываются методики, приобретающие характер криминалистических. В результате же создаются предпосылки для формирования новых элементов криминалистики как науки, что, естественно, отражается и на ее предмете, и на ее структуре. При этом собственно криминалистические приемы, средства и методы рождаются лишь тогда, когда данные той или иной науки специально приспособляются для нужд криминалистики. Деятельность такого рода не может быть произвольной, в частности при ее осуществлении должен строго соблюдаться целый ряд условий, относящихся, с одной стороны, к действиям по преобразованию тех или иных данных, с другой - к самим данным, на базе которых создаются криминалистические средства и методы.

Учитывая, что эти положения имеют принципиальное значение, рассмотрим их подробнее.

Прежде всего отметим, что понятие «приспособление данных специальных наук» к нуждам криминалистики является собирательным и многоаспектным. Поэтому в литературе правильно отмечается, что «в понятие приспособления данных специальных наук и материалов следственной практики для формирования криминалистических методов следует включать:

- а) использование данных специальных наук в соответствии с их научным содержанием, закономерностями, понятиями;
- б) использование материалов следственной практики на уровне научного обобщения;
- в) в целях повышения эффективности криминалистических методов иметь направление при их разработке на комплексное использование данных специальных наук и материалов изучения следственной практики;
- г) формирование криминалистических методов в структурной форме применительно к внутренней системе криминалистики (криминалистические научно-технические средства и методика их применения в криминалистической

технике, тактические приемы в следственной тактике, методические рекомендации в методике расследования отдельных видов преступлений);

д) соответствие законности, этичности и практической полезности каждого криминалистического метода;

е) возможность научной проверки достоверности результатов применения криминалистического метода;

ж) подчинение криминалистических методов задачам уголовно-процессуального расследования, а также предупреждения преступлений и точному соблюдению процессуальных правил»²¹.

Как показывает анализ практики, использование данных математики и кибернетики в целях построения на их основе средств и методов, обретающих статус криминалистических, также осуществляется с учетом указанных выше условий.

Вместе с тем здесь имеется и своя специфика. Она определяется рядом факторов, среди которых особое значение имеет сама сфера приложения данных математики и кибернетики.

Дело в том, что, несмотря на определенную универсальность математико-кибернетических методов, далеко не все задачи, возникающие в сфере деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, могут быть решены с их помощью. Кроме того, определенный класс задач требует и соответствующих методов их решения. Иными словами, здесь очень остро встает вопрос не столько о принципиальной применимости математико-кибернетических методов, сколько о формах, границах и целях их использования.

Как известно, современная математика располагает широким спектром средств и методов, каждый из которых ориентирован на исследование определенных объектов. Ныне в качестве таковых устойчиво определились количественные отношения, пространственные формы, строение и структура объекта познания и другие²².

Следовательно, если в процессе решения той или иной криминалистической задачи актуальным является выявление и анализ одного или нескольких из указанных выше элементов, характеризующих объект познания, то такого рода

---

²¹ Васильев А. Н. Приспособление данных специальных наук и следственной практики как источник формирования криминалистических методов. - В кн.: Использование современных достижений науки и техники в деятельности следственных органов и судов по борьбе с преступностью. (Тезисы республиканской научной конференции). Вильнюс, 1981, с. 17-18.

²² См., например: Коронкевич А. И. Математика в истории человечества. - В кн.: Глушков В. М., Гнеденко Б. В., Коронкевич А. И. Современная культура и математика. М., 1975, с. 3-51. Аналогичные взгляды на объекты математического исследования развиваются и в других работах по математике.

исследование в принципе может быть осуществлено с использованием средств и методов математики и кибернетики.

Мы говорим в принципе, так как к указанным условиям необходимо добавить еще одно: информация, характеризующая объект познания, должна поддаваться формализованному описанию. Последнее, как уже отмечалось, является важнейшей предпосылкой и для использования данных кибернетики, в частности такого ее средства, как электронно-вычислительные машины (ЭВМ).

Дело в том, что современные ЭВМ могут воспринимать и осуществлять обработку только такой информации, которая тем или иным способом была формализована. Применительно к информации, характеризующей материально фиксированные отображения события преступления и преступника, т. е. объектам технико-криминалистического исследования, особых трудностей это не вызывает. Именно поэтому в настоящее время математико-кибернетические методы стали органической частью очень многих методик технико-криминалистического исследования. Все более активно внедряются эти методы и в сферу следственной тактики, частных методик расследования и управления этой деятельностью.

Исследования, проведенные советскими учеными²³, показывают, что данные математики и кибернетики в сфере следственной тактики и методики расследования преступлений, а также деятельности по управлению органами, осуществляющими борьбу с преступностью, могут использоваться: для построения информационных моделей изучаемых следователем явлений, которые используются для последующей разработки научно обоснованных программ расследования отдельных видов преступлений; для определения своеобразия связи криминалистически значимых событий, их отдельных элементов и разработки приемов использования полученных данных для изучения конкретных явлений и процессов; для более точной оценки последствий каждого принятого решения и действий следователя с целью исключения недопустимых в данной ситуации расследования вариантов решений и действий, а также выбора наиболее рациональных

---

²³ См., например: Гончаренко В. И. и др. Использование кибернетики при расследовании преступлений. - В кн.: Основы применения кибернетики в правоведении. М., 1977; Густов Г. А. Расследование хищений в торговле, ч. 1. Криминалистическая модель преступления. Л., 1979; Лузгин И. М. Информационная природа доказывания в расследовании преступлений. - В кн.: Правовая кибернетика. М., 1973, с. 107-166; Полевой Н. С., Ни-Ли Г. П. О некоторых вопросах кибернетизации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. - В кн.: Методика расследования преступлений (Материалы научн.-практ. конф.). Одесса, 1976, с. 75-79; Трусов А. И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики. - В кн.: Вопросы кибернетики и право. М., 1967, с. 20-36; Эйсмэн А. А. Некоторые вопросы оценки как количественной характеристики достоверности доказательств. - В кн.: Вопросы кибернетики и право. М., 1967, с. 164-180; Яблоков Н. П. Методика расследования и правовая кибернетика (общие положения). - Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право, 1976, № 5, с. 34-41; и др.

приемов ведения следствия; разработки общего алгоритма и программы расследования конкретного преступления и т. п.

Таким образом, если ранее в сфере следственной тактики и методики расследования преступлений данные естественных и технических наук, в частности математики и кибернетики, практически не использовались, то для современного этапа развития криминалистики эти явления становятся все более характерными.

Особую значимость использование данных математики и кибернетики приобретает в такой сфере, как управление деятельностью органов, осуществляющих борьбу с преступностью, а также процессом расследования конкретных дел. Это находит свою практическую реализацию в разработке и использовании автоматизированных систем управления соответствующих органов, в частности «АСУ-Прокуратура», «АСУ-МВД», «АСУ-Юстиция», а также в создании автоматизированных банков данных (АБД), имеющих криминалистическое значение, в создании автоматизированных справочных информационно-поисковых и иных систем.

Совершенно очевидно, что это стало возможным лишь на базе тесного взаимодействия криминалистики с математикой и кибернетикой, творческого использования средств и методов этих наук для нужд криминалистики.

Вместе с тем указанные процессы неминуемо приводят к трансформации предмета и структуры криминалистики, ее теории и методологии, к формированию в недрах этой науки ее нового элемента - криминалистической кибернетики.

§ 2. Понятие криминалистической кибернетики, ее предмет и задачи

Криминалистическая кибернетика возникла в результате сложного и длительного процесса интеграции знаний о средствах и методах раскрытия и расследования преступлений, аккумулируемых и разрабатываемых криминалистикой, с целым рядом наук математико-кибернетического цикла.

Данное обстоятельство, естественно, осложняет определение предмета криминалистической кибернетики. Кроме того, при определении предмета этой весьма специфической отрасли знания нужно учитывать также общие закономерности и условия, при которых становится возможным дать научное определение предмета той или иной науки или отрасли знания. Т. И. Ойзерман, например, справедливо замечает, что «...научное определение предмета любой науки, конечно, не может быть исходным пунктом ее действительного исторического развития: оно становится возможным на сравнительно высокой степени развития

науки, являясь подытожением, обобщением пройденного пути и достигнутых результатов»²⁴.

Криминалистическая кибернетика сейчас делает лишь первые шаги как самостоятельная научная теория. Поэтому на современном этапе, видимо, необходимо учитывать лишь наиболее характерные ее черты, наиболее четко выделившиеся структурные элементы, наиболее важные линии связи с соответствующими отраслями знания и различными видами деятельности по борьбе с преступностью.

Таким же образом обстоит дело и с кругом тех проблем, которые составляют ее естественно-научную и методологическую основу.

В науковедении есть положение, согласно которому, перед тем как могла возникнуть новая дисциплина, проблемы, которые формируют ее основу, уже существуют, но в других отраслях. Поэтому кажется совершенно естественным, что и на первых стадиях истории новой науки весь репертуар ее проблем может быть взят из других областей. Это означает, что при уяснении предмета и других науковедческих вопросов криминалистической кибернетики мы должны учитывать особенности тех наук, в результате взаимодействия которых она начала формироваться, и прежде всего той науки, в недрах которой идет ее развитие, т. е. криминалистики. Но здесь мы встречаемся с немалыми трудностями, так как в настоящее время нет единого, общепризнанного определения сущности и предмета этой науки. Кроме того, лишь за последние 10-15 лет появилось множество определений ее предмета, причем в некоторых из них развиваются довольно противоречивые, - а иногда и ошибочные, на наш взгляд, положения.

Аналогичная картина наблюдается и при решении науковедческих вопросов математики и кибернетики, особенности которых, как уже отмечалось, также должны учитываться при определении предмета и сущности криминалистической кибернетики.

Объясняется это двумя обстоятельствами. Во-первых, периодический пересмотр предмета той или иной науки является вполне закономерным процессом, так как любая наука находится в состоянии постоянного развития, в силу чего претерпевают изменения ее содержание и структура, средства и методы, а следовательно, и предмет.

Характеризуя эту особенность развития науки, советский философ П. Копнин справедливо заметил, что «...предмет самых различных наук непрерывно

---

²⁴ Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969, с. 229.

подвергается изменению в связи с ростом знания, прогрессом общественного развития в целом. Во многих областях современной науки происходят самые жаркие дискуссии о предмете и содержании этих наук. Такой процесс не случаен и касается он не только новых областей знания вроде кибернетики, но и давно сложившихся, таких, как математика, физика, химия, биология и другие»²⁵.

Естественно, что взаимодействие криминалистики с другими науками, в частности математикой и кибернетикой, не может не отразиться на ее предмете и содержании.

Во-вторых, криминалистика как наука, а следовательно, и криминалистическая кибернетика как один из ее элементов - это весьма сложные явления, которые характеризуются многообразием граней, присущими им аспектами. Конечно, далеко не все они могут быть включены в определение (поэтому определение всегда беднее определяемого!), и различные авторы по-разному подходят к их выбору, что и приводит к разнообразию самих определений.

Однако нужно считаться с тем, что в науковедении выработаны критерии, которые необходимо учитывать, определяя сущность той или иной науки или научной теории. В частности, любая наука (или научное направление) может рассматриваться как:

- система знаний;
- специфический вид человеческого труда, в частности научная деятельность;
- сфера получения данных для такой деятельности и приложения, практического использования полученных результатов²⁶.

Что же касается функций, которые выполняет наука, то здесь обычно выделяют²⁷:

- собственно познавательную, т. е. направленную на познание объектов, существующих независимо от человека;
- конструктивную (разработочную), направленную на создание новых объектов;
- коммуникативную, направленную на накопление, хранение, распространение, передачу знаний.

Таковы общие положения, характерные для любой науки или отрасли знания, а следовательно применимые и к криминалистической кибернетике.

---

²⁵ К о п н и н П. Философия в век науки и техники. - Литературная газета, 1968, 11 дек.

²⁶ См.: Р а ч к о в П. А. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М., 1974, с. 24; и др.

²⁷ См., например: Э й с м а н А. А. Введение в криминалистику - учение о предмете, системе, методах и истории криминалистики. - В кн.: Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978, с. 5.

Поэтому при ее определении должно найти отражение (или следовать из него) то главное, что характерно для нее как специфического элемента криминалистики, и в первую очередь применительно к объектам ее познания, характеру создаваемых и используемых ею средств и методов, целям и непосредственным сферам их приложения (использования).

Поскольку криминалистическая кибернетика формируется и ныне развивается в недрах криминалистики, то естественно, что, определяя ее предмет, задачи и непосредственный объект исследования, мы должны исходить из трактовки этих категорий применительно к криминалистике в целом.

Как известно, за всю историю существования криминалистики было предложено множество ее определений.

Однако абсолютное большинство из них так или иначе привязывалось к деятельности по выявлению, собиранию, исследованию и оценке *судебных доказательств*.

На этой основе были высказаны соображения и о том, что теория судебных доказательств (или ее определенная часть) должна рассматриваться как один из структурных элементов криминалистики как науки.

Мы исходим из того, что криминалистика, в частности такой ее элемент, как криминалистическая кибернетика, исследует закономерности не возникновения судебных доказательств и работы с ними, а закономерности возникновения криминалистической информации и построения наиболее оптимальной технологии и тактики проведения информационных процессов, т. е. процессов выявления, сбора, хранения, переработки, передачи и использования информации о событии преступления и преступнике, а также об особенностях методики их проведения с учетом характера расследуемого преступления. Именно теоретические и методологические основы, разработки технологии и тактики проведения информационных процессов и особенности их построения с учетом характера непосредственных действий и расследуемого уголовного дела, а также проблемы разработки и использования наиболее совершенных средств и методов, обеспечивающих раскрытие и расследование преступлений, составляют ядро криминалистики как науки. Практическая же их реализация представляет собой основу одного из аспектов деятельности по борьбе с преступностью - информационно-познавательного, который рядом авторов, в частности В. Я. Колдиным, на наш взгляд, совершенно правильно рассматривается как самостоятельный уровень уголовно-процессуального доказывания. С учетом этого он считает, что и пред-

метом криминалистики является информационно-познавательная структура расследования²⁸.

При таком подходе к предмету криминалистики нельзя не заметить влияния идей кибернетики, общей теории систем и теории информации, использование которых открывает большие возможности в плане изыскания путей дальнейшей оптимизации криминалистической деятельности и повышения ее эффективности, в частности, на базе автоматизации информационных процессов и систем.

Известно, что в ходе расследования того или иного преступления мы действительно имеем дело не с изолированными друг от друга объектами, а с системами объектов. Причем между ними существуют определенные взаимосвязи, которые между собой взаимодействуют или ранее взаимодействовали²⁹.

Поэтому выявление и познание природы таких связей, определение характера и особенностей взаимодействующих объектов - одна из важных задач расследования, а применительно к предмету криминалистики - один из его элементов.

С развитием и все более широким внедрением в сферу криминалистической деятельности кибернетических средств и методов, в частности электронных вычислительных машин, всевозрастающее значение будут приобретать взаимодействия и взаимосвязи, возникающие в рамках человеко-машинных систем, которые уже сегодня делают первые шаги в сфере борьбы с уголовной преступностью.

В такого рода системах они не могут быть сведены в чистом виде к взаимодействию материальных объектов (например, по типу взаимодействия: орудие преступления - преграда), закономерности которых исследует криминалистическая техника. Не могут быть отнесены они и к такой группе взаимосвязей, как взаимодействие людей, закономерности которых составляют предмет других разделов криминалистики - тактики и частной методики. Это системы особого рода.

Как отмечается в литературе, их особенность состоит в том, что «проблема синтеза социального и естественно-научного знания здесь решается с учетом того, что в центре рассмотрения оказывается взаимодействие человека с техническими системами, производственной, внепроизводственной, природной средой»³⁰.

---

²⁸ См. главу I настоящей работы.

²⁹ Следует, однако, иметь в виду, что и отдельно взятый материальный объект также может рассматриваться как система, что в рамках этого единичного объекта между его элементами существуют определенные связи и отношения.

³⁰ Коммунист, 1977, № 1, с. 63.

Совершенно очевидно, что по своей сущности, природе и задачам отрасль знания, призванная изучать человеко-машинные системы, функционирующие в сфере расследования преступлений, ближе всего (из числа юридических наук) к криминалистике. Это естественно, так как в сфере юридической деятельности названные системы были вызваны к жизни потребностями практики в оптимизации и повышении эффективности решения криминалистических задач, в частности, на базе математизации и автоматизации процессов работы с криминалистической информацией.

Экспериментальные же исследования и имеющая ся практика показывают, что математизация и кибернетизация криминалистической деятельности, т. е. использование различного математического аппарата, а также идей, средств и методов кибернетики для решения конкретных криминалистических задач и построения криминалистических информационных систем, неминуемо приводят к:

- накоплению значительного числа эмпирических данных, требующих научно-теоретического обоснования;

- трансформации традиционных методов криминалистики;

- изменению не только круга криминалистических задач, но и (что особенно важно) технологии и методики их решения и даже самой их постановке (например, при использовании в процессе экспертного исследования ЭВМ и сама задача и исходная информация об исследуемом объекте должны быть формализованы; разработан алгоритм ее решения и программа для используемой вычислительной машины);

- выдвиганию ряда новых криминалистических и уголовно-процессуальных проблем, связанных с оформлением полученных результатов и, главное, их оценкой экспертом, следователем и судом;

- расширению круга субъектов криминалистической деятельности (появились такие фигуры, как программист, оператор и т. п.) и необходимости определения их прав и обязанностей, их взаимоотношений, а в целом - к проблеме организации и управления криминалистической деятельностью (или от дельными ее элементами) в новых условиях, т. е. при математизации и автоматизации информационных процессов и систем, присущих этому виду деятельности.

Именно под воздействием этих и других факторов и происходят изменения традиционного концептуального и понятийного аппарата криминалистики, ее теории и методологии, а также формирование ее новых элементов. Что же касается самого механизма этих изменений, то он не является чем-то уникальным,

характерным лишь для развития криминалистики, а подчиняется общим закономерностям изменения системы знания. Характеризуя их, П. В. Копнин пишет: «...Эти изменения вначале происходят в рамках данной теории и ее принципа путем включения новых и некоторого изменения прежних входящих в нее положений. Однако наступает такой момент, который обозначается пределом развития теории, т. е. в теоретическом построении при включении в него новых фактов обнаруживаются противоречия, неразрешимые в рамках данной системы знаний»³¹. Иными словами, создаются реальные предпосылки для формирования новых элементов теории науки, а следовательно, и трансформации ее структуры.

Ранее в структуре общей теории криминалистики не выделялось в качестве самостоятельного учение о проблемах, связанных с математизацией и кибернетизацией криминалистической деятельности. И это понятно, ибо до недавнего времени для решения криминалистических задач не разрабатывались специальные методики, основанные на использовании математического аппарата и средств вычислительной техники, и в основе абсолютного большинства из них лежал качественный подход к анализу и оценке признаков исследуемых объектов. Естественно, что с учетом этого строились и концептуальный аппарат теории криминалистики, и ее структура. Однако, как известно, положение постепенно менялось. Наряду с простейшим аппаратом метрологии в сфере криминалистической деятельности начали использовать как более сложный математический аппарат, так и данные кибернетики, в частности ее наиболее кардинальные идеи, технические средства и методы (например, метод системного, функционального и алгоритмического подхода, аппарат теории вероятностей и математическую статистику, метод распознавания образов, аппарат проективной геометрии и т. п.).

Все это привело к возникновению указанных выше и других проблем в теории и методологии криминалистики, которые «не вписываются» в традиционные представления о предмете и структуре этой науки. Вместе с тем практика раскрытия и расследования преступлений, необходимость дальнейшего повышения эффективности этого вида человеческой деятельности настоятельно требуют их решения. Мы считаем, что их изучение и разработка составляют предмет специального криминалистического учения (теории) - криминалистической кибернетики, которая должна занять свое место в структуре как общей теории и методологии криминалистики, так и их содержательных разделов.

Что же касается целевой функции этого учения, его основных задач, то на

---

³¹ К о п н и н П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974, с. 240.

современном этапе в качестве важнейших можно выделить:

- научно-теоретическое исследование деятельности по раскрытию и расследованию преступлений в аспекте системного анализа и основных ее закономерностей как информационно-функциональной, т. е. кибернетической, системы;

- разработку методологических основ, принципов и условий математизации и автоматизации информационных процессов, присущих этому виду деятельности, в частности принципов, средств и методов формализации задач и подготовки исходной информации для ввода в память ЭВМ и ее машинной обработки;

- разработку методов и методик решения криминалистических задач и построения автоматизированных криминалистических информационных систем на базе творческого использования данных криминалистики, математики, кибернетики и связанных с ними наук;

- разработку алгоритмов и машинных программ решения конкретных криминалистических задач с учетом характера непосредственных объектов исследования;

- теоретическое исследование и практическую разработку правовых, организационно-управленческих и иных аспектов проблемы математизации и кибернетизации криминалистической деятельности.

Даже при самом беглом рассмотрении проблем и задач, образующих предмет криминалистической кибернетики, нельзя не заметить, что они чрезвычайно многообразны. Вместе с тем они тесно связаны между собой и образуют единую, целостную систему знаний.

Основой криминалистической кибернетики является творческое использование математического аппарата, идей и технических средств кибернетики в целях разработки наиболее оптимальных методик алгоритмизации и автоматизации информационных процессов в сфере деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Практическая реализация такого рода методик осуществляется при решении конкретных судебно-экспертных и следственно-тактических задач; построении и эксплуатации автоматизированных систем криминалистической информации и автоматизированных «банков вспомогательных данных»; разработке автоматизированных систем управления деятельностью правоохранительных органов (АСУ-Прокуратура, АСУ-МВД, АСУ-Юстиция) и др.

С учетом сказанного, мы считаем возможным предложить следующее определение криминалистической кибернетики:

Криминалистическая кибернетика - это самостоятельное направление в теории и методологии советской криминалистики, целевой функцией которого является исследование закономерностей, общенаучных предпосылок и конкретных условий использования математического аппарата, идей и технических средств кибернетики и разработка на их основе специальных методов и алгоритмов решения криминалистических задач, а также построения и использования автоматизированных информационных систем, призванных оптимизировать и повысить эффективность деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Более кратко сущность и предмет криминалистической кибернетики можно выразить так: криминалистическая кибернетика - это частная криминалистическая теория, которая по своей природе является комплексной отраслью знания об общих закономерностях и конкретных методах математизации и автоматизации информационных процессов в сфере деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, разрабатываемых и используемых в целях ее оптимизации и повышения эффективности функционирования как кибернетической системы.

Разумеется, ни то, ни другое определение не претендует на исчерпывающее раскрытие всего содержания и всех признаков определяемого понятия, поскольку любая дефиниция, как известно, обедняет действительное содержание определяемого.

По мере дальнейшего расширения и углубления исследований проблем, связанных с использованием математического аппарата и средств вычислительной техники в сфере криминалистической деятельности, т. е. ее математизации и кибернетизации, будут выявляться их новые формы и направления. В силу этого и само понятие криминалистической кибернетики и ее предмет будут наполняться все более глубоким и конкретным содержанием, а ее роль постоянно возрастать.

§ 3. Содержание и структура криминалистической кибернетики. Ее роль и место в системе научного знания

Известно, что содержание науки (или научной теории) - это «овеществленный» совокупный результат познания, формируемый по мере исследования, раз-

работки отдельных элементов их предмета. Следовательно, в целостном виде содержание науки - это система знаний, объем и структура которой изменяются по мере развития данной науки, ее предмета. Чем глубже удастся проникать в сущность каждого объекта познания, чем многоаспектнее оно становится, тем богаче содержание данной науки или отрасли знания, тем сложнее становится ее структурная схема. При этом построение структуры науки, так же как и само ее развитие, - это не произвольные процессы, они подчинены строгим логико-методологическим принципам, определенным законам.

Различают общие законы развития науки и формирования ее системы (структуры) и специфические законы формирования и развития конкретной науки или частной отрасли знания.

Специально исследовав эту проблему, В. Н. Голованов пришел к заключению, что общий закон проявляется не в каком-то одном специфическом законе, а в совокупности специфических законов, в функционировании данной части как целого. Общий закон не определяет качественной основы части, ибо ее определяют специфические законы... Общие же законы определяют лишь общие условия развития в пределах данной части, условия, характерные также для целого³².

У нас в образе такой «части» выступает криминалистическая кибернетика, в образе «целого» - криминалистика. Но в свою очередь последняя также является частью «целого» более высокого уровня организации - науки в целом.

А это означает, что при анализе процессов развития криминалистической кибернетики, а также формирования ее содержания и структуры мы должны учитывать как общие законы развития науки, так и те, которые специфичны именно для криминалистики, поскольку последнюю для криминалистической кибернетики мы считаем «материнской» наукой, от которой она и наследует свои основные черты.

В науковедческой литературе в качестве общих законов развития науки обычно выделяют: закон непрерывности накопления научного знания; закон интеграции и дифференциации научного знания; закон связи и взаимного влияния науки и практики; закон ускорения развития науки в условиях научно-технической революции.

На наш взгляд, Р. С. Белкин пришел к совершенно правильному выводу, считая, что из числа специфических законов развития науки для криминалистики наиболее характерны:

- закон связи и преемственности между существующими и возникающими

---

³² См.: Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., 1970, с. 121-122.

криминалистическими концепциями;

- закон активного творческого приспособления для целей судопроизводства достижений различных наук;

- обусловленность криминалистических рекомендаций потребностями практики борьбы с преступностью и совершенствование этой практики на основе криминалистической науки;

- ускорение темпов развития криминалистической науки в условиях научно-технической революции³³.

Если хотя бы в самых общих чертах проследить историю становления и современные тенденции развития криминалистической кибернетики, то нетрудно убедиться, что для нее характерны все существенные черты криминалистики, в частности приведенные выше специфические законы ее развития.

Для рассматриваемого нами вопроса особое значение имеет закон активного творческого приспособления для целей судопроизводства достижений различных наук, так как правильное определение сущности и места названного закона имеет методологическое значение не только для выяснения генетической природы и механизма формирования криминалистической кибернетики, но и ее содержания и структуры.

Как и у любого другого научного направления, в том числе частных теорий, существующих в рамках криминалистики, содержание и структура криминалистической кибернетики формировались постепенно, от накопления единичных фактов использования математического аппарата и средств вычислительной техники до разработки ее теоретических основ и построения своей системы. Причем содержание и система криминалистической кибернетики формировались, подчиняясь определенным принципам, в частности принципу соответствия структуры знания природе и структуре отражаемого объекта.

Характеризуя методологическое значение этого принципа, И. В. Кузнецов пишет: «... Глубокие структурные особенности объекта не постигаются никаким иным способом, кроме как через знание, организованное так, что его структура оказывается стоящей в определенной связи, в определенном соответствии со структурой объекта»³⁴.

В нашем случае в качестве объекта выступает деятельность по раскрытию

---

³³ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики, т. 1. Общая теория советской криминалистики. М., 1977, с. 135.

³⁴ Кузнецов И. В. Структура научной теории и структура объекта. - Вопросы философии, 1968, № 5, с. 75.

и расследованию преступлений, а точнее, закономерности и условия оптимизации и повышения эффективности присущих ей информационных процессов. Именно на их основе разрабатываются методики решения конкретных криминалистических задач и построения информационных (в том числе автоматизированных) систем путем творческого использования данных криминалистики, математики, кибернетики и связанных с ними наук, на основе учета потребностей современной практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений и перспектив ее совершенствования.

С учетом этого и современного состояния криминалистической кибернетики ее структуру, по нашему мнению, можно представить в виде следующей группы вопросов:

- науковедческое введение (основания и предпосылки формирования криминалистической кибернетики в специальную криминалистическую теорию; ее предмет, задачи и место в системе частных учений криминалистики, а также ее связи с науками уголовно-правового и математико-кибернетического циклов);

- теоретические и естественно-технические аспекты криминалистической кибернетики (анализ деятельности по раскрытию и расследованию преступлений как кибернетической системы и сферы приложения данных математики, кибернетики и связанных с ними наук; математизация и кибернетизация информационных процессов в сфере криминалистической деятельности как объективная закономерность ее развития и одно из средств ее дальнейшей оптимизации; общие закономерности и границы применимости математического аппарата и средств вычислительной техники в сфере криминалистической деятельности; методологические особенности построения технологического процесса решения криминалистических задач с использованием математического аппарата и средств вычислительной техники; формализация и кодирование криминалистической информации; разработка алгоритмов и машинных программ как естественно-технические предпосылки математизации и кибернетизации процессов ее обработки, хранения и автоматизированного поиска; основные принципы создания автоматизированных криминалистических информационных систем и «банков вспомогательных данных»; математическое и организационно-техническое обеспечение их функционирования);

- методологические аспекты криминалистической кибернетики (методологические основы и принципы применения математического аппарата и средств вычислительной техники в сфере криминалистической деятельности; система ме-

тодов криминалистической кибернетики и их связь с общенаучными и криминалистическими методами; влияние их использования на характер знания, получаемого об объекте исследования, и другие вопросы);

- правовые, организационно-методические и другие аспекты криминалистической кибернетики (правовые основания и формы математизации и кибернетизации криминалистической деятельности, а также психологические, криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты использования полученных при этом результатов на различных стадиях процесса доказывания);

- особенности решения конкретных задач с использованием математических и кибернетических методов (измерительных, вероятностно-статистических, методов с использованием графических алгоритмов, аналитического метода и других).

В настоящее время в отечественной литературе можно встретить и иной подход к распределению вопросов, относящихся к проблеме математизации и кибернетизации криминалистической деятельности.

Так, в учебнике по криминалистике под редакцией И. Ф. Крылова (Л., 1976) некоторые из них рассматриваются в главе, посвященной общим положениям криминалистической техники. Наряду с этим в главе о криминалистическом исследовании документов в качестве самостоятельного выделен параграф, в котором рассматриваются частные вопросы применения кибернетических методов в судебно-почерковедческой экспертизе. Таким образом, сфера математизации и кибернетизации криминалистической деятельности здесь, по существу, ограничена рамками криминалистической техники.

По-иному к решению рассматриваемой проблемы подошел Н. А. Селиванов, который в 1977 г. высказал предложение «...о создании в рамках общетеоретической части криминалистики самостоятельного, раздела о применении с криминалистическими целями математических методов». По его мнению, в таком разделе «... следовало бы решать наиболее общие вопросы применения указанных методов. Специфика же пользования ими должна рассматриваться в последующих частях криминалистики применительно к технике, тактике и методике расследования»³⁵.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что:

а) в настоящее время сложились все необходимые предпосылки для выделения в рамках теории и методологии криминалистики специального раздела -

---

³⁵ Селиванов Н. А. К вопросу о понятии и системе криминалистики. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 26. М., 1977, с. 106.

криминалистической кибернетики;

б) основное содержание этого раздела должны составлять проблемы, связанные с разработкой путей, средств и методов оптимизации информационных процессов и систем, характерных для деятельности по раскрытию и расследованию преступлений на основе творческого использования данных теории информации, математики, кибернетики и других наук этого цикла, а также наук уголовно-правового характера, в частности криминалистики;

в) современную структуру криминалистической кибернетики образуют рассмотренные выше группы вопросов, которые практически могут быть реализованы во всех частях криминалистики, т. е. ее общей теории, криминалистической технике, тактике и методике.

Естественно, что по мере развития и углубления процессов математизации и кибернетизации криминалистической деятельности будут меняться как содержание,

так и структура криминалистической кибернетики, а также характер ее связей и место в ряду других отраслей знания. На сегодня же наиболее отчетливо эти связи просматриваются с криминалистикой, общей и правовой кибернетикой, а также целым рядом других, связанных с ними наук как уголовно-правового, так и математико-кибернетического профиля.

Особое место в этом плане принадлежит, конечно, марксистско-ленинской теории познания и диалектическому материализму в целом, так как его категории и законы лежат в фундаменте методологических основ криминалистической кибернетики.

Что же касается характера и особенностей связи криминалистической кибернетики с названными науками, то графически их можно представить так, как показано на рис. 3.

Используя этот рисунок и руководствуясь правилами формальной логики, мы можем построить следующие суждения об отношениях

между криминалистической кибернетикой и структурными элементами криминалистики, с одной стороны, между криминалистической и правовой

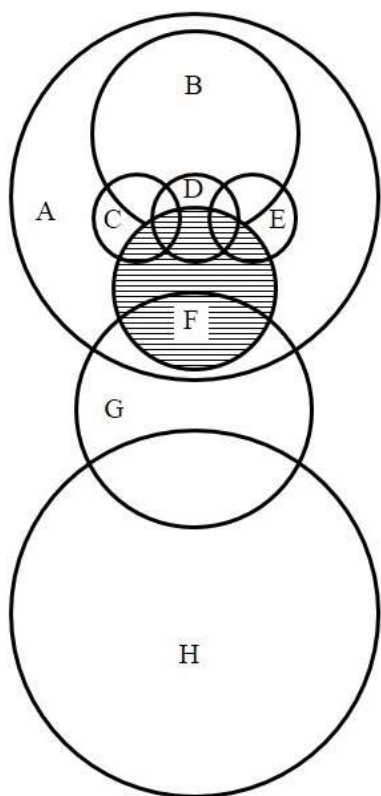

Рис. 3. Место криминалистической кибернетики в системе криминалистики и ее функциональные связи с другими областями знания

кибернетикой - с другой. Так, понятия, обозначенные символами «В» - общая теория криминалистики, «С» - криминалистическая техника, «Д» - криминалистическая тактика, «Е» - методика расследования отдельных видов преступлений, полностью подчинены более общему понятию «А», которым мы обозначили криминалистику как науку в целом.

Видно также и то, что вопросы общей теории криминалистики пронизывают все три содержательных раздела криминалистики («С», «Д», «Е»),

Символом «F» мы обозначили криминалистическую кибернетику. С одной стороны, она, как и другие разделы криминалистики, объединяется общим понятием «А» (криминалистика). Этим мы хотели подчеркнуть, что она является ее неотъемлемой частью. Кроме того, из схемы видно, что положения криминалистической кибернетики практически реализуются как в общей теории криминалистики, так и во всех трех ее содержательных разделах.

Вместе с тем ее нельзя полностью отождествить с понятием «криминалистика», так как она включает определенный круг вопросов, разрабатываемых в науке более широкого плана, а именно в правовой кибернетике, обозначенной на рисунке символом «G», и как бы выходит в силу этого за рамки криминалистики, во всяком случае при традиционном подходе к ней.

В свою очередь правовая кибернетика, формирующаяся на стыке юридических наук³⁶ и общей кибернетики (H), содержит черты того и другого, является комплексной, пограничной наукой. Причем от общей кибернетики она заимствует определенные идеи, понятия и категории, а также методы и технические средства, в частности электронные вычислительные машины и определенный математический аппарат.

Именно эта часть общей кибернетики, а точнее определенные ее элементы, через правовую кибернетику переходят в криминалистическую кибернетику, а через последнюю - в криминалистику, ассимилируются ею, становятся ее средствами и методами.

Однако это не механический перенос идей или средств и методов, а творческое их приспособление с учетом сферы и непосредственных объектов их приложения, тех задач, для решения которых они используются. Поскольку такие задачи по своему характеру являются криминалистическими, поэтому и методики их решения, основанные на использовании данных математики и кибернетики, приобретают криминалистическую природу, становятся специальными

---

³⁶ Чтобы не усложнять схему, здесь они представлены в образе криминалистики.

средствами и методами информационно-познавательной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

§ 4. Предпосылки и основные факторы формирования и развития криминалистической кибернетики

Известно, что одним из важнейших принципов марксистско-ленинской методологии познания является принцип историзма. Наиболее четко этот принцип был сформулирован В. И. Лениным, который неоднократно отмечал, что при исследовании любого явления чрезвычайно важно «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³⁷.

Из этого ленинского положения вытекает, что для познания сущности криминалистической кибернетики, в частности, ее генетической природы и функций как отрасли знания, современного состояния и тенденций ее развития, мы должны уяснить, как, когда и почему начали зарождаться ее элементы, каковы те объективные предпосылки и важнейшие факторы, которые способствовали (или препятствовали) ее формированию и развитию.

В этой связи прежде всего отметим, что в генезисе криминалистической кибернетики (как и любой другой области знания) следует учитывать два класса предпосылок: с одной стороны, совокупность тех противоречий, которые породили социальную потребность в ней, с другой - те достижения материальной и духовной культуры, на базе которых стало возможным разрешить эти противоречия.

Поскольку формирование криминалистической кибернетики шло параллельно с развитием криминалистики, постольку рассматриваемые нами вопросы неотделимы от эволюции этой науки, от тех объективных предпосылок и основных факторов, которые предопределили ее зарождение и развитие. Но, как уже отмечалось выше, криминалистическая кибернетика сочетает в себе элементы не только криминалистики, но и наук математико-кибернетического профиля. По

---

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

этому, исследуя генезис криминалистической кибернетики, мы должны учитывать аналогичные факторы и применительно к этим наукам. Известно, что криминалистика как самостоятельная отрасль научного знания, как наука зародилась и начала формироваться в конце XIX в.

Этот процесс можно рассматривать как своеобразную реакцию на те противоречия, которые сложились между преступностью, уровень которой в то время неуклонно возрастал, и тем арсеналом средств и методов расследования преступлений и установления личности преступника, которыми располагала тогдашняя юридическая наука и полицейская практика.

В структуре преступности в конце XIX в. особенно активное развитие получила рецидивная преступность и чрезвычайно важное значение приобретали такие средства и методы, которые бы позволяли точно и быстро устанавливать личность задержанного и факт его привлечения в прошлом к уголовной ответственности. Однако таким арсеналом средств и методов полицейские аппараты, осуществляющие расследование преступлений, не располагали. Обычно использовались лишь карточки или журналы на арестованных, в которых словесно описывались в произвольной форме некоторые данные, характеризующие преступника (имя и фамилия преступника, записанные с его слов, количество судимостей, беглое и никак не упорядоченное описание его внешности).

К концу 70-х годов XIX в. только в Парижской уголовной полиции - Сюртэ, таких карточек было уже около 5 миллионов и около 80 000³⁸ фотографий преступников, также выполненных в произвольной форме, главным образом по типу художественных портретов.

Ни регистрационные карточки, ни фотографии преступников, выполненные таким способом, не давали той информации, которая позволяла бы с необходимой точностью индивидуализировать зарегистрированное лицо. Кроме того, огромное количество таких материалов и отсутствие их научной классификации практически лишало возможности воспользоваться ими. В результате весь этот гигантский регистрационный материал, который к тому же с каждым днем все возрастал, превратился в груды мертвых бумаг. Он не только не способствовал, но напротив - затруднял работу полиции, приводил к огромному количеству оперативных и судебных ошибок.

Необходимо было изыскивать новые пути и средства решения проблемы уголовной регистрации и идентификации преступников, что без привлечения данных различных наук стало невозможным.

---

³⁸ Данные приводятся по книге Ю. Торвальда «Сто лет криминалистики» (М., 1974, с. 21).

Первым это понял в 1879 г. писарь тогдашней полицейской картотеки Сюртэ Альфонс Бертильон. Будучи сыном вице-президента Антропологического общества Парижа, доктора Луи Адольфа Бертильона и внуком естествоиспытателя и математика Ахилла Гайара, он еще в детстве слышал о работах бельгийского математика и антрополога Адольфа Кетле, в которых последний доказывал, что строение человеческого тела подчинено определенным закономерностям, что на земле нет двух человек, у которых бы одновременно совпадали размеры нескольких частей тела. В частности, Кетле утверждал, что шанс встретить двух совершенно одинаковых по росту людей не выше чем один к четырем.

Используя эту идею и некоторые математические закономерности расчета вероятности события, А. Бертильон пришел к заключению: если к росту добавить еще одно измерение (например, длину указательного пальца), то вероятность совпадения станет 1:16, а при 11 измерениях она примет вид 1:4.191.304. Если же произвести и зафиксировать в карточке результаты 14 измерений, то вероятность совпадения всех показателей снизится до соотношения 1:286.435.456. Поскольку, рассуждал А. Бертильон, количество измерений можно еще больше увеличить, а полученные данные заносить в карточки, которые необходимо четко систематизировать, то это создает реальную основу для разработки такого метода регистрации и идентификации преступников, который будет обеспечивать точность и быстроту решения этих вопросов. И он разработал такой метод, назвав его антропометрическим методом уголовной регистрации.

В начале 1883 г. А. Бертильон впервые по этому методу осуществил идентификацию лица, ранее прошедшего регистрацию по его методу, а до конца года им были идентифицированы 26 преступников. В новой картотеке к этому времени было уже 7336 карточек, причем не было обнаружено ни одного случая полного совпадения результатов измерений частей тела зарегистрированных лиц.

Это свидетельствовало о том, что данный метод был несравненно более эффективен и надежен, чем «полицейские парады», описательные регистрационные карточки и другие методы, применявшиеся ранее в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

На примере этого метода была показана, а в дальнейшем все активнее реализовывалась принципиальная возможность объективизации и повышения эффективности отдельных процессов в комплексе мер по борьбе с преступностью на основе использования данных различных наук, в частности математического профиля.

Вот почему можно считать, что именно с этого метода в сфере деятельности по борьбе с преступностью началась «цепная реакция» процессов интеграции различных наук и активного использования их данных для разработки специфических, ранее неизвестных юридической науке и практике средств и методов раскрытия и расследования преступлений, что в конечном итоге привело к формированию вначале криминалистики³⁹ как самостоятельной науки, призванной решить эти проблемы, а затем и криминалистической кибернетики как одной из ее частных теорий.

В истории формирования и развития криминалистической кибернетики, на наш взгляд, можно выделить два основных этапа.

Первый следует обозначить как период зарождения идей и начала практического использования простейших математических средств и методов для решения локальных задач уголовной регистрации и первых шагов по оптимизации некоторых видов судебно-экспертных исследований. Это период от 80-х годов XIX в. до 50-х годов XX в.

Второй этап - период активизации использования и расширения сферы приложения ранее известных и разработки новых методик криминалистического исследования, основанных не только на использовании более широкого арсенала математических средств и методов, но и идей, средств и методов кибернетики, в том числе электронных вычислительных машин. Применительно к советской криминалистике этот период начался в середине 50-х годов XX в. и продолжается в настоящее время.

Как отмечалось, началом первого этапа по праву следует считать работы А. Бертильона, в частности разработку им антропометрического метода уголовной регистрации. В последующем уголовную регистрацию он дополнил методом сигналетической съемки, которая позволяла получать такие фотоизображения регистрируемого, при исследовании которых представлялось возможным количественно охарактеризовать анатомические особенности изображенного на них лица.

Кроме того, А. Бертильон разработал метод метрической фотосъемки мест происшествий и иных следственных действий. Заметим, что в той или иной модификации эти методы используются и в настоящее время. Кроме того, они спо-

---

³⁹ В этом смысле особенно важную роль на первом этапе становления криминалистики сыграло использование данных общей фотографии, физики, химии, анатомии, математики и других естественно-технических наук, что способствовало формированию ряда разделов криминалистической техники и судебной экспертизы, а также разработке методов уголовной регистрации и розыска преступников.

способствовали процессу математизации и других видов криминалистических исследований, в частности экспертизы почерка.

Сам Бертильон считал, что судебная экспертиза почерка только тогда станет научной, когда на вопрос, содержащий задачу идентификации, можно дать ответ: «... нет вероятности, чтобы это письмо, охарактеризованное такими-то и такими-то особенностями, встретилось более чем один раз на сто, тысячу, десять тысяч, миллион субъектов одной и той же социальной категории»⁴⁰.

Нетрудно заметить, что в данной концепции просматриваются идеи вероятностного подхода к оценке признаков почерка и их совокупности, которые были развиты в дальнейшем другими криминалистами.

В их числе среди зарубежных ученых можно выделить американского криминалиста А. Осборна, разделявшего идею А. Бертильона о возможности и необходимости количественной оценки вероятности встречаемости признаков почерка; немецкого криминалиста Б. Мюллера, который провел экспериментальные исследования по количественной оценке идентификационной значимости некоторых признаков почерка; американского криминалиста С. Смита, предложившего метод, названный им «плюс - ноль - минус факторов», в основе которого лежит измерение и сравнение протяженности и угла наклона элементов букв, и ряд других.

Применительно к методу измерений особо следует выделить французского криминалиста Э. Локара - автора так называемого графометрического метода почерковедческой экспертизы⁴¹. Сущность его метода состояла в том, что он предлагал измерять и представлять в виде статистических кривых не менее 27 качественных особенностей почерка, которые, по мнению эксперта, в данной рукописи являются наиболее устойчивыми. Это была, по существу, первая попытка дать научное обоснование статистической природы почерка. Однако она не являлась таковой, так как не имела под собой достаточно солидной экспериментальной базы. Скорее, это была лишь гипотеза, удачно сформулированная Э. Локаром, которая в последующем на основе больших экспериментальных исследований (в частности, проведенных советскими криминалистами) и обширного статистического материала получила свое подтверждение. Но, пожалуй, главным недостатком метода Э. Локара является то, что он не содержит в себе идентификационных оценочных критериев. Именно в силу этого он не получил широкого

---

⁴⁰ Цит. по: Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации. - В кн.: Труды ВНИИСЭ, вып. 6. М., 1973, с. 5.

⁴¹ См.: Локар Э. Руководство по криминалистике. М., 1941.

признания, и в экспертной практике использовался главным образом как вспомогательный прием.

Первые реальные достижения в плане разработки количественного идентификационного критерия принадлежат французскому криминалисту Бальтазару, который разработал его применительно к дактилоскопической идентификации. Сущность этого метода состоит в следующем. В папиллярном узоре Бальтазар выделил четыре основных признака: начало и окончание линии, раздвоение и слияние линий. Полный дактилоскопический отпечаток он разбил на 100 клеток (10x10). Он считал, что в каждой клетке может встретиться только одна деталь из четырех возможных. При этом он игнорировал случаи, когда в одной клетке встречались две детали или их не было вовсе.

Бальтазар рассчитал, что для безошибочной идентификации человека по следам его пальцев рук необходимо выделять не менее 17 признаков. При этом совпадение 12 из них является надежной гарантией, количественным критерием тождества. Данное положение долгое время считалось классическим и без достаточного критического отношения использовалось криминалистами во всем мире. Однако практика дактилоскопической экспертизы нередко приходила в противоречие с этой догмой, что заставило криминалистов более критически оценить критерий дактилоскопического тождества Бальтазара. В результате было установлено, что исходные положения Бальтазара, в частности о закономерностях распределения деталей по клеткам, являются недостаточно точными, что и было учтено при разработке нового метода определения указанного критерия.

Но главная идея Бальтазара осталась, и состоит она в том, что, используя математический аппарат, представляется возможным оптимизировать, сделать более научно обоснованным любой вид криминалистического исследования.

В этой связи нельзя не вспомнить и работы выдающегося русского криминалиста Е. Ф. Буринского, который писал в 1903 г.: «Почерковедение имеет все данные, чтобы сделаться точной наукой, потому, что материал, которым она оперирует, поддается измерению, а исследуемые ею явления - правильному наблюдению и эксперименту... измерения и математика откроют нам постоянные законы и поставят эту отрасль знания в ряд точных наук»⁴².

Работы советских криминалистов полностью подтвердили предсказания Е. Ф. Буринского не только применительно к почерковедению, но и иным криминалистическим исследованиям.

В 50-е годы XX в. работы в этом направлении получили особенно широкий

---

⁴² Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов. Спб., 1903, с. 179, 260.

размах, чему в немалой степени способствовало обращение советских криминалистов к новой науке - кибернетике, данные которой к тому времени стали активно использоваться в самых различных науках и практической деятельности людей. Более того, кибернетика явилась мощным катализатором и для развития математики, в том числе таких ее разделов, которые ранее считались чисто теоретическими и не имели выхода в практику. С развитием кибернетики получила развитие и такая отрасль знания, как теория научной информации, данные которой также стали активно использоваться в уголовном судопроизводстве.

Эти и другие данные позволяют считать, что в истории оптимизации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений начался новый этап, основой которого стали, с одной стороны, использование более сложного математического аппарата и расширение фронта математизации юридической деятельности, с другой - использование данных кибернетики и связанных с нею наук, в частности такой, как теория информации.

В 1957 г. советские криминалисты (Л. Г. Эджубов и др.) начали исследования в области автоматизации дактилоскопических картотек, а в 1958 г. - в области использования вероятностно-статистических методов в судебной экспертизе, в частности, применительно к судебному почерковедению (А. П. Краснов, П. Г. Орлов и др.), судебно-портретной экспертизе (З. И. Кирсанов) и спектроаналитическому исследованию свинца и бумаги (В. М. Колосова).

Однако на первых порах такого рода исследования велись либо энтузиастами-одиночками, либо небольшими группами ученых, работа которых не координировалась.

Первым шагом, направленным на объединение ученых и координацию научных исследований по данной тематике, явилась организация в 1959 г. секции «Кибернетика и право» при Научном совете по комплексной проблеме «Кибернетика» Академии наук СССР. Если ранее проблемами математизации и кибернетизации в сфере юридической деятельности занимались только криминалисты, то с организацией названной секции этой проблематикой стали заниматься представители и других юридических наук. Причем в качестве важнейшей проблемы наряду с криминалистическим направлением секция определила разработку правового информационно-логического языка для создания автоматизированной юридической справочно-информационной службы и улучшения методов законодательной техники. Таким образом, тематика исследований значительно расширилась. В этих условиях первостепенное значение приобрели вопросы теоретического обоснования применимости идей, средств и методов кибернетики в право

ведении и практике юридических органов, и прежде всего определение условий, границ и задач их применимости.

Первая публикация, посвященная этой проблеме, была сделана в 1960 г.⁴³ Несмотря на то что главное внимание в статье было уделено обоснованию целесообразности и необходимости применения кибернетики в области правотворчества, она имела важное значение и для криминалистики, так как ориентировала на необходимость использования новых технических средств, в частности на использование электронных вычислительных машин. Такая постановка вопроса явилась принципиально новым подходом к решению проблемы оптимизации юридической деятельности вообще, криминалистической в особенности.

Весьма существенную роль в укреплении и развитии этой идеи, а также в обосновании принципиальной возможности использования кибернетики в различных отраслях деятельности юридических учреждений сыграли работы академика А. И. Берга и других советских ученых. В период, когда делались только первые шаги по использованию кибернетики в сфере юридической деятельности, А. И. Берг пришел к заключению, что это приведет в будущем к формированию особой отрасли знаний, которую он назвал тогда «юридическая кибернетика»⁴⁴.

Последующая практика подтвердила правильность высказанной им мысли. К концу 60-х годов определились главные направления исследований, которые и составили основное содержание новой отрасли знаний, получившей теперь наименование правовой кибернетики.

Важную роль в формировании этого нового для юридической науки, в том числе для криминалистики, направления сыграло постановление сессии Общего собрания Академии наук СССР от 20 октября 1962 г., в котором указывалось на необходимость «... обеспечить широкое применение в гуманитарных науках точных научных методов, в особенности математики, кибернетики, статистики и т. д.»⁴⁵. Одним из важнейших и наиболее активно разрабатываемых направлений на том этапе была судебная экспертиза, а из числа математических методов - теория вероятностей и математическая статистика.

Поэтому не случайно, что именно этой проблематике была посвящена первая научная конференция по вопросам использования математических методов в деятельности органов уголовной юстиции, проходившая в Москве 5-6 июня 1963

---

⁴³ См.: Андреев Н. Д., Керимов Д. А. О возможностях кибернетики при решении правовых проблем. - Вопросы философии, 1960, № 7, с. 106-110.

⁴⁴ Берг А. И. Избранные труды, т. 2. М., 1964, с. 168-169.

⁴⁵ Строительство коммунизма и общественные науки. М., 1962, с. 303. .

г. Пять из шести сделанных на конференции докладов были посвящены проблемам использования вероятностно-статистических методов: в идентификации (З. И. Кирсанов), в графической экспертизе (А. П. Краснов), в дактилоскопической экспертизе (П. Г. Орлов), в судебно-медицинской экспертизе (В. М. Колосова), общим условием применения этих методов (И. Ф. Пантелеев). А. А. Эйсман выступил с проблемными вопросами по строению алгоритмов судебного доказывания.

Глубокой научной разработкой названных и других проблем, а также апробации полученных данных на экспериментальном и практическом материале способствовал ряд факторов и прежде всего создание по инициативе А. Р. Шляхова и по решению Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике в 1966 г. при Центральном (ныне Всесоюзном) институте судебных экспертиз специализированных лабораторий кибернетического профиля: автоматизации правовой справочно-информационной службы; кибернетических методов в криминологии и правовой статистике; автоматизации судебно-экспертных исследований; вычислительной техники. Создание этих лабораторий свидетельствовало о том, что проблема использования кибернетики в сфере юридической деятельности приобрела государственное значение. Следствием этого явилось то, что и в других заинтересованных министерствах и ведомствах стали уделять серьезное внимание этой проблеме. Кроме того, были проведены и определенные организационные мероприятия. В ряде научно-исследовательских институтов организованы тематические группы, а затем специализированные лаборатории и другие научные подразделения.

Особенно значительные работы в этом направлении развернулись в МВД СССР, где в 1968 г. была установлена первая в системе юридических учреждений электронно-вычислительная машина «Минск-22», а в 1969 г. был введен в эксплуатацию вычислительный центр.

Кардинальную роль для дальнейшего развития исследований в области кибернетизации юридической деятельности вообще, в сфере борьбы с преступностью в частности сыграли решения XXIV съезда КПСС о более широком применении в народном хозяйстве математических методов и электронно-вычислительной техники, о создании автоматизированных систем управления (АСУ).

В 1973 г. во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР были организованы специализированные лаборатории кибернетического профиля: по разработке общих принципов создания АСУ в органах прокуратуры; функциональных подсистем

АСУ; информационного обеспечения; математического обеспечения и технических средств.

Что касается собственно самих исследований и коллективного обсуждения их результатов, выработки дальнейших направлений их развертывания, то первостепенное значение здесь, безусловно, имеют научные конференции и симпозиумы, организуемые по инициативе секции «Кибернетика и право», а также издание материалов и тематических сборников, посвященных обсуждаемым на них проблемам⁴⁶. В апреле 1966 г. по инициативе секции «Кибернетика и право» Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и Центральный НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции провели конференцию, посвященную проблемам использования статистических методов в криминологии и криминалистике. В 32 докладах, прочитанных на конференции представителями ведущих научно-исследовательских юридических институтов и ряда учебных заведений, был поставлен широкий круг проблем математизации криминологических и криминалистических исследований. Впервые предметом коллективного обсуждения юристов и математиков стал вопрос об автоматизации обработки информации с использованием ЭВМ, характеризующей следственную и судебную практику, деятельность по профилактике преступлений и вопросы оптимизации управления системой уголовной юстиции. Через два года на очередном симпозиуме, посвященном правовой кибернетике, эта проблематика была уже ведущей и весьма многогранной. На нем рассматривались (было представлено около 80 докладов, работали 3 секции) весьма важные для юридической науки и практики проблемы, в частности такие, как создание информационно-поисковых систем, решение конкретных правовых задач на электронных цифровых вычислительных машинах (ЭЦВМ), создание системы машинизированной обработки с применением методов математической статистики криминологической и социально-правовой информации, создание системы анализа на ЭЦВМ почерка для судебно-экспертных целей и другие. Впервые коллективно были обсуждены и вопросы преподавания кибернетических дисциплин студентам, предмет и содержание правовой кибернетики, ее задачи и место в системе юридических наук.

---

⁴⁶ К настоящему времени имеются 4 таких сборника: Вопросы кибернетики и право (М., 1967); Правовая кибернетика (М., 1970); Правовая кибернетика (М., 1973); Правовая кибернетика (М., 1977). Первый тематический сборник, посвященный проблемам и конкретным методам применения кибернетики в судебной экспертизе, был подготовлен сотрудниками Литовского НИИСЭ (Кибернетика и судебная экспертиза, вып. II. Вильнюс, 1966).

Дальнейшее развитие вопросы теории и практики применения математических методов и вычислительной техники в праве, криминалистике и судебной экспертизе получили на очередном симпозиуме, состоявшемся в 1971 г. Наряду с обсуждением результатов экспериментальной проверки и практики применения ряда предложенных ранее методов исследования, основанных на использовании математического аппарата и средств вычислительной техники, значительное место в программе симпозиума впервые было уделено методологическим и процессуальным аспектам проблемы кибернетизации юридической деятельности. Наиболее отчетливо это было выражено применительно к использованию вычислительной техники в криминалистике и судебной экспертизе.

В ноябре 1975 г. состоялась научная конференция, посвященная проблемам правовой кибернетики. Центральное место на конференции заняли вопросы о разработке автоматизированных информационно-поисковых систем, вопросы применения математических методов и вычислительной техники в криминологии и судебной статистике, криминалистике и судебной экспертизе. По криминалистической и судебно-экспертной тематике было прочитано 50 докладов, охвативших чрезвычайно широкий круг проблем от математизации теории идентификации и общих вопросов автоматизации информационных процессов до конкретных методик практически всех видов криминалистического исследования⁴⁷. Конференция показала, что работы по применению кибернетики в сфере криминалистической деятельности вышли за рамки поисковых исследований. Они выдвинули целый ряд новых проблем, над решением которых в настоящее время работают коллективы ученых Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз, Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР, сотрудники Министерства внутренних дел СССР, а также ученые ряда республиканских научно-исследовательских институтов и лабораторий, преподаватели высших учебных заведений страны (Московского, Киевского и других университетов).

Существенно расширилась и проблематика таких исследований. Сейчас определилось несколько направлений, каждое из которых объединяет десятки конкретных вопросов. Довольно обширной стала литература, в том числе монографического характера⁴⁸.

---

⁴⁷ Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции, вып. 4. Криминалистика и судебная экспертиза. Тезисы докладов на 5 Всесоюзной конференции по проблемам правовой кибернетики. М., 1975.

⁴⁸ См.: К и р с а н о в З. И. Экспертное отождествление человека по фотопортретам с применением математических методов исследования. М., 1968; Л а н ц м а н Р. М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза

Многие вопросы, относящиеся к теории и методологии математизации и кибернетизации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений рассмотрены в монографических работах комплексного характера⁴⁹. Таким образом, были созданы реальные предпосылки и для построения учебных курсов, охватывающих комплекс проблем применения математических методов и средств вычислительной техники в сфере юридической деятельности в целом, применительно к раскрытию и расследованию преступлений в частности. С 1973 г. на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова читаются два таких курса: общий - «Основы правовой кибернетики» и спецкурс «Криминалистическая кибернетика». В ряде других учебных заведений эти курсы объединены и читаются как факультативные (Киевский, Ленинградский, Ростовский и другие университеты).

Введению этих курсов как общеобязательных препятствует отсутствие учебника⁵⁰, единой общевузовской программы и квалифицированных преподавателей. Решение этих задач столь же актуально и необходимо, как и дальнейшее расширение научных исследований проблем математизации и кибернетизации юридической деятельности и внедрение достигнутых результатов в практику органов Советской юстиции.

почерка. М., 1968; Пошкявичус В. А. Применение математических и логических средств в правовых исследованиях. Вильнюс, 1974; Селиванов Н. А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств. М., 1974; Фокина А. А. Идентификация личности по папиллярным узорам рук с применением математических методов исследования. Киев, 1973; Шахтарина Н. И. Судебно-почерковедческая экспертиза с использованием данных количественной значимости частных признаков. - В кн.: Экспертная техника, вып. 26. М., 1968; Методические рекомендации по использованию графических идентификационных алгоритмов при исследовании фотоизображений в целях отождествления личности. Рига, 1966; Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании, в судебно-почерковедческой экспертизе. М., 1976; и др.

⁴⁹ См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973; Гончаренко В. И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Киев, 1980; Грановский Г. Л. Основы трасологии. М., 1965, 1974; Колдин В. Я. Идентификация при расследовании преступлений. М., 1973; Кучеров И. Д. Соотношение тождества и различия. Минск, 1968; Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М., 1969; Он же. Методологические проблемы расследования. М., 1973; Шляхов А. Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979; Эджубов Л. Г. Некоторые проблемы применения математических методов и электронно-вычислительной техники в судебной экспертизе. - В кн.: Основы правовой кибернетики. М., 1976; Эйсман А. А. Заключение эксперта. М., 1967; Он же. Логика доказывания. М., 1971; и др.

⁵⁰ В настоящее время в качестве учебных пособий по названным курсам используются: Основы правовой кибернетики. Под ред. Н. С. Полевого, А. Р. Шляхова. М., 1977; Основы применения кибернетики в правопедении. Под ред. Н. С. Полевого, Н. В. Витрука. М., 1977; Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М., 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

П р е д и с л о в и е

Глава I. Анализ информационно-познавательной структуры расследования преступлений (В. Я. Колдин)

- § 1. Информационно-познавательная структура расследования преступлений как предмет криминалистики
- § 2. Проблема структурного анализа информационно-познавательного процесса расследования
- § 3. Информация и расследование
- § 4. Факты в процессе доказывания
- § 5. Элементы процессуального доказывания и информационные системы

Глава II. Криминалистическая кибернетика как теория информационных процессов и систем в криминалистике и использования математических методов и вычислительной техники для решения криминалистических задач (Н. С. Полевой)

- § 1. Сущность, значение и основные направления использования в криминалистике данных математики и кибернетики
- § 2. Понятие криминалистической кибернетики, ее предмет и задачи
- § 3. Содержание и структура криминалистической кибернетики. Ее роль и место в системе научного знания
- § 4. Предпосылки и основные факторы формирования и развития криминалистической кибернетики